
18+
Mari A. Kane
ЛИМБ

Mari A. Kane

Лимб. Цикл «Era 47». Книга 1

«Издательские решения»

Kane M.

Лимб. Цикл «Era 47». Книга 1 / M. Kane — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Мир изменился в одну секунду, превратившись в мясорубку. «Лимб» — это летопись падения человечества, глубокая психологическая драма о выживании в жестких реалиях эры 47. Здесь нет суперспособностей и хэппи-эндов. Только грязь, кровь и черный юмор. Помните: самые опасные хищники в разрушенном мире носят не когти, а человеческие маски, и красивые мужчины сожрут твою душу еще до того, как тело пустят на фарш. Книга содержит нецензурную брань и сцены насилия. 18+Книга содержит нецензурную брань.

© Kane M.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия. Честно о том, что вас ждет 6
Глава 1. То, о чём тебя не предупредят 8
Глава 2. Три года, два месяца и семь дней до того, как небо рухнуло 14
Глава 3. Первые 48 часов 20
Глава 4. Первый месяц (Хроники памяти) 25
Глава 5. Эволюция голода 31
Глава 6. Полгода спустя. отдельный вид экстрима 35
Глава 7. Дом, который построил ад. 41
Глава 8. День, когда всё пошло не так 49
Глава 9. Me and the Devil 57
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Лимб
Цикл «Era 47». Книга 1

Mari A. Kane

© Mari A. Kane, 2026

ISBN 978-5-0071-5073-6 (т. 1)
ISBN 978-5-0071-5074-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия. Честно о том, что вас ждет

«Era 47»

Мир рухнул.

Не под фанфары. Не под траурный марш. Никакого тебе Армагеддона в прямом эфире, с последними слезливыми словами какого-нибудь политика, который красиво уходит в небытие, прижимая к груди ядерный чемоданчик.

Реальность, как всегда, оказалась беспощадно пошлой.

Всё случилось с мерзким, влажным хлюпаньем. С тем самым звуком, с которым созревший фурункул размером с цивилизацию наконец прорвало и гной хлынул наружу, заливая улицы, офисы, спальни и детские площадки.

И теперь ты больше не «креативный директор с высокой самооценкой», не «роковая женщина на пороге развода» и уж точно не «свободный художник, который просто на год уехал искать себя на Бали, потому что — а почему бы и нет?». Твой социальный статус обнулился до двух емких определений: биомасса или жилец. Ты — чей-то обед. Или ужин. Или перекус на ходу для твари, которая еще позавчера одалживала у тебя соль и жаловалась на шумный кондиционер.

А теперь начистоту о зомби — без розовых соплей и подросткового фанфикшена.

Выбросьте на свалку истории образ шаркающего идиота с IQ табуретки, который тянет к вам руки и мычит нечто нечленораздельное. Инфантильный бред, придуманный теми, кто никогда не слышал хруста собственных ребер под натиском чужого аппетита.

Настоящие зомби — спринтеры. Им плевать, успел ты перезарядиться или допить утренний кофе. Они не ходят — они перемещаются. Лестничные пролеты берут в три прыжка, перемахивают через витрины, открывают двери. Да, черт возьми, они помнят, как это делается. Мышечная память и остаточная нейронная сеть работают лучше любой инструкции. Они помнят, как охотились при жизни: кто-то — с ружьем, кто-то — с ипотекой и токсичным абьюзом, кто-то — с хорошо подвешенным языком. Только теперь инстинкт хищника очищен от шелухи морали. Стал чище. Хирургически эффективнее.

И самое омерзительное — они выглядят как люди. Почти. Это сбивает с толку. У некоторых сохранились вполне приличные лица — только в глаза лучше не смотреть. А ты не смотришь. Потому что за стеклянной радужкой ни души, ни намека на эмпатию. Один холодный, просчитанный голод, который уже знает, куда ты дернешься, и отрезает путь заранее, облизывая спекшиеся в черную корку губы.

Они не рычат — они смотрят. И иногда улыбаются. Почти ласково. Как старый знакомый, который зашел без стука и уже предвкушает совместную трапезу, где главным блюдом будешь ты.

О людях — без иллюзий и сопливой надежды.

А теперь самое страшное. Хуже зараженных — только незараженные. Те, кто понял: конец света — это карт-бланш. Индульгенция на любую грязь.

Человеческая оболочка гниет куда быстрее плоти. Моральные инвалиды правят бал, и у них отлично получается. Они насилуют, режут на органы, продают слабых в импровизированное рабство и предают до того, как ты успеешь моргнуть. С той же голливудской улыбкой, с какой раньше впаривали тебе просроченные тренинги личностного роста.

Говорят, в любой заднице должен быть свой антигерой. Породистый. С харизмой, от которой у выживших дам подкашиваются колени даже при обезвоживании. Тип, который в старом мире сводил с ума весь опенспейс, а сейчас выглядит так, будто апокалипсис — это его личный подиум. Идеальная щетина с тремя днями небритости (откуда у него бритва?!), пронзительный взгляд, голос с обертонами, от которого мурашки маршируют по коже, забыв о всяком приличии.

Вы наивно спросите: как этот смазливый гад вообще выжил? Его же должны были сожрать в первую очередь, просто из эстетической зависти!

А вот и нет. Он не выжил — он адаптировался. Понял главный закон новой эпохи: больше не надо подстраиваться под мир. Теперь мир, дрожа и пуская слюни, подстроится под него. Его методы называют «радикально эффективными». Его жестокость — «вынужденной необходимостью». Его лицо — последнее, что ты видишь перед тем, как твоя страховочная веревка оказывается перерезанной.

Но эта книга не про него. Хотя он тут будет мелькать, портить воздух и строить из себя спасителя. Возможно, даже попытается «спасти» героиню — с той самой улыбкой, от которой раньше слетали трусики, а теперь хочется схватиться за монтировку и эмпирическим путем проверить, насколько прочен его безупречный череп. Потому что в этом мире красивые мужчины с большей вероятностью сожрут тебя морально, а затем пустят на фарш, чем пригласят на романтический ужин при свечах.

Так что фильтруй окружение. Делай это быстро. Паранойя — не симптом, а здоровая реакция на агрессивную среду.

О чем этот талмуд на самом деле.

О том, как посреди тотального биохакинга и краха санитарных норм ты пытаешься сохранить пульс, рассудок и хотя бы ошметки человечности. Или хотя бы правдоподобно их имитировать.

Без соплей о спасении цивилизации. Без напыщенных речей во имя добра и света. Просто с желанием встретить завтрашний рассвет. С черной иронией и изрядной долей самоедства. С пониманием, что единственный способ не сползти в кровавое безумие — угорать над тем, как эпично всё накрылось медным тазом. Даже когда за тобой несется стадо существ, бывших когда-то твоими коллегами, друзьями и тем самым бариста, что вечно путал твой заказ.

И даже когда тот, от кого ты улепетывала со всех ног, вдруг оказывается рядом. Только по другую сторону баррикад. Или по твою сторону веревки — что еще паршивее.

Здесь не будет иллюзий. Розовые очки разбиты, стекла использованы для заточки кольев.

Есть только ты, безжалостный мир, признавший тебя гастрономической единицей, и главный вопрос: хватит ли у тебя цинизма, физической выносливости и душевной черствости, чтобы доказать — ты не чей-то ланч?

Добро пожаловать в новый реализм.
Пристегнись. Затяни ремни. Проверь магазин.
И помни главное правило выживания: два оружия — это минимум.
Одно для них.
Второе — для того, кто сейчас идет рядом с тобой и слишком сладко улыбается.

Автор,
где-то в руинах старого мира, испачканный в чужой крови и собственной иронии.
Когда-то сильно после того, как всё полетело в тартарары.

Глава 1. То, о чём тебя не предупредят

Каждая история врёт. Нагло, с блаженной улыбкой и без зазрения совести.

Сначала тебе сладко поют: «Жила-была», «Однажды», «В мире, где надежда умирает последней…» А потом — бац — и ты уже в дерьме по самые брови, и никто, ни одна сволочь, не удосужилась предупредить, что это самое дерьмо будет липнуть к зубам, забиваться под ногти и пахнуть так, будто кто-то вскрыл склеп и устроил там пикник.

У меня не было «Однажды». У меня было короткое и ёмкое: «Проснулась — и всё». Ровно в ту секунду, когда вселенная, очевидно страдая от жуткого похмелья, решила, что человечество — это затянувшийся и дурно пахнущий эксперимент, и запустила перезагрузку через мясорубку. Только мясорубка сломалась на полпути, и вместо аккуратного фарша получились… мы. Выжившие. Самые тупые, самые живучие и самые одинокие твари на этой планете. Самонадеянные тараканы, пережившие ядерную зиму, но забывшие, что теперь мы — всего лишь консервы с функцией рефлексии.

Ты думаешь, что знаешь дно? Ой, сладкий мой, не смеши мои открытые раны. Дно — это не когда кончается тушёнка. Дно — не когда зомби смотрят на тебя как на стейк с кровью и загоняют в угол. Дно — это когда после череды адских приключений, кишок наружу и предательств ты понимаешь: жизнь всё ещё способна найти новый, извращённый способ пнуть тебя по яйцам. Или туда, где у тебя яиц нет, но болит всё равно по-взрослому.

Три года. Три года я училась не доверять, стрелять без дрожи, спать с ножом под подушкой и не плакать, когда кто-то из твоих умирает. Три года я воображала, что стала стальной стервой. А потом я очнулась в подвале со связанными руками, и надо мной стоял тот, кого я меньше всего хотела бы видеть по эту сторону ада. И это был не зомби. Это было куда хуже.

У каждой истории есть точка поворота. Минута, когда ты ещё можешь притворяться, что всё будет хорошо. Что ты выкрутишься. Что чудо случится.

А потом приходит реальность, садится тебе на грудь и выблёвывает правду прямо в лицо.

И ты понимаешь: чудес не бывает. Бывает только выбор — сдохнуть быстро и эффектно или выжить медленно, больно, собирая коллекцию сомнительных решений, окружённая людьми, которые хуже мертвецов, и с мыслью, что, возможно, стоило просто лечь и не дёргаться.

Но ты встаёшь. Потому что ты клиническая дура. Как и все мы.

Так что не жди красивых слов. История, которую ты сейчас прочтёшь, началась не с «жили они долго и счастливо». Она началась с того, что я открыла глаза и мгновенно пожалела, что у меня всё ещё есть нервные окончания.

Ну конечно, дальше — фирменный саундтрек: скрежет зубов, влажные шлепки разлагающейся плоти о бетон, чьи-то предсмертные хрипы, похожие на испорченный саксофон, и этот вечный, незатыкаемый аккомпанемент — наш собственный пульс в висках. Прям уютненько, да? Свечи, вино и чья-то оторванная конечность в качестве закуски. Можно было бы для контраста врубить Linkin Park — «Bleed It Out», чтоб пафосно так, героически захлебнуться всей этой драмой, раскинув руки в стороны и глядя в небо. Но какой в этом смысл? Всё равно никто не оценит. Мёртвые не танцуют. Живые — тем более.

Ладно, хватит красивых речей — давай уж честно, без реверансов и попыток натянуть философию на гниющий остов реальности. Ты хочешь знать, как я докатилась до всего этого цирка? Как из фотографа с арт-пространством и планами на отпуск я превратилась в то, чем стала? Отлично. Я расскажу. Без цензуры. Без романтики. Без попыток выставить себя герои-

ней. Просто факты, от которых у нормального человека волосы встали бы дыбом, а мне — мне уже всё равно. Я прошла через ад, и ад теперь носит моё имя.

Так что закатывай рукава, читатель. Мы ныряем в дерьмо с головой. Задержи дыхание. Будет больно. Будет мерзко. Будет смешно — ровно настолько, насколько может быть смешно, когда мир вокруг тебя жрёт сам себя. Заглянем за эту проклятую ширму и узнаем, с чего всё началось. И чем, чёрт возьми, закончится.

Три года, два месяца и семь дней спустя. Где-то в новой реальности, бывшая индустриальная зона.

Очнулась она не от боли — с болью они давно сроднились, как старая супружеская пара, которая друг друга ненавидит, но спит в одной постели. Её разбудил вкус. Мерзкий, густой коктейль из ржавчины, старой крови и какого-то химически-сладкого формальдегида, которым в моргах заливают трупы перед тем, как отдать их в распоряжение учебного скальпеля.

Мэл попыталась навести резкость. Потолок подвала скакал перед глазами, как рябь в старом телевизоре, ловящем сигнал из преисподней. Пульсирующая боль в затылке отдавала в глазницы, и с каждым ударом сердца казалось, что черепная коробка треснет, выпуская наружу серое, плохо пахнущее содержимое.

«Позвоночник? На месте. Руки?.. Ах да, связаны. Спасибо за сервис. Ноги…»

Она дёрнулась и тут же прикусила губу до крови, чтобы не заорать. Верёвки вгрызлись в запястья так глубоко, что кожа вокруг превратилась в чёрные, сочащиеся сукровицей браслеты. Одно движение — и по онемевшим пальцам потекло свежее, липкое, смешиваясь с грязью и чьей-то засохшей блевотиной.

Пахло здесь как в желудке мертвеца после корпоративного фуршета: кислый дух немытых тел, прелой соломы, старой мочи и того специфического аммиачного смрада, который издаёт человек, пролежавший в этом коктейле больше суток. Рядом кто-то скулил — безнадёжно и монотонно, словно перегоревший трансформатор. Справа — парень лет двадцати с разбитыми очками и отсутствующим передним зубом. Слева — женщина в некогда белом свадебном платье, которое теперь напоминало грязную тряпку из мясной лавки. В новом мире с мертвецов снимают шмотки быстрее, чем грабят ювелирку, так что платье было, скорее, чьим-то трофеем.

«Элис… чёрт возьми, Элис…»

Воспоминания вонзились в мозг резко, как осколок бутылки в вену.

18 часов назад. Заброшенный торговый центр «Гэллакс-Плаза».

— Я нашла идеальный маршрут! — глаза Элис горели фиолетовым пламенем, но это был не ужас, а тот самый, особо опасный энтузиазм клинической идиотки, которая ни разу в жизни не отвечала за чужую шкуру.

В руках подруги трепыхался мятый лист с картой, накарябанной фломастером оттенка «дикая орхидея». Будто мы собирались не за едой, а на шопинг в День святого Валентина.

— Это не маршрут, Элис. Это план самоубийства с отсрочкой на переваривание, — прохрипела Мэл, прижимая к животу монтировку. Интуиция, старая, опытная стерва, уже нашептывала матом. — Рори на базе блюёт желчью вторые сутки. Те азиатские снеки, что мы нашли, оказались с плесенью. Не просроченные — живые. Там внутри что-то активно шевелилось, когда я вскрыла пачку. Боюсь, оно собиралось эволюционировать.

— Вот! Именно! — Элис радостно ткнула пальцем в бетонный потолок. — Поэтому нам нужна нормальная еда. И… — она замялась, ковыряя грязным ногтем бумагу, — там на втором этаже «Косметик-Мир». У них была лимитированная линейка фиолетовых полуперманентов.

— Ты сейчас серьёзно?

— Мэл, посмотри на меня! — Элис драматично сдёрнула капюшон. Корни её волос отросли сантиметра на три, являя миру тусклую мышиную массу. — Я похожа на мокрого хомяка-алкоголика. Когда нас сожрут, я хочу, чтобы это было красиво. Или хотя бы стильно. Пусть зомби запомнят мой профиль и цвет «Электрик-лаванда».

Мэл тогда просто выдохнула. Тем особенным выдохом, когда понимаешь: спорить с безумием — всё равно что учить мертвеца гигиене. Ты просто говоришь себе: «Это не мой день умирать», — и заходишь в тёмное здание, где пахнет смертью, мышами и просроченной карамелью.

Они прошли мимо сгоревшей машины скорой, на борту которой кто-то кровью вывел: «НЕ ВЫЗЫВАЙТЕ — НИКТО НЕ ПРИЕДЕТ». Запах жжёной резины смешивался с приторной сладостью горелого склада сластей. А за ним, едва уловимо, тянуло чем-то мясным. Тем самым запахом, который уже не перепутаешь ни с чем.

Зомби они заметили не сразу. А когда заметили — было поздно, как всегда.

Их было трое. Быстрых.

Первое правило апокалипсиса, которое Мэл выучила, пока бежала, спотыкаясь о чужие кишки: «Шаркающие мертвецы — это голливудская сказка для мягкотелых. Настоящие твари спринтуют».

Они не выглядели как гниющие куклы из фильмов. Двое казались настолько обыденными, что их можно было принять за грязных выживших. Джинсы, куртки, почти целые лица… если не смотреть в глаза — туда, где бельма затянули зрачки мутной плёнкой, как у дохлой рыбы на витрине. И если не замечать, как их челюсти двигаются в предвкушении, перемалывая воздух, словно они репетируют пережёвывание твоих хрящей.

Третий сделал крюк, обогнул их через пустые стеллажи, чтобы зайти со спины. Тактик, чёрт его дери. Планировал ужин с доставкой.

— БЕЖИМ! — рявкнула Мэл, хватая Элис за капюшон так, что ткань затрещала.

Элис, вместо того чтобы рвануть к свету, ломанулась к эскалатору.

— КРАСКА! МЫ БЫЛИ ТАК БЛИЗКО!

— ЭЛИС, ТВОЙ ТРУП И ТАК БУДЕТ ФИОЛЕТОВЫМ — ОТ ГНИЕНИЯ!

Один из зомби — тот, что в футболке с нарисованным азиатским айдолом и вытекшим глазом, — ей подмигнул. Буквально. Веко дёрнулось, опустилось и поднялось с мерзким влажным чпоком. Из треснувшей орбиты потекла мутная сукровица, но жест оставался почти человеческим. Он словно говорил: «Я тебя знаю, мясо».

Элис взвизгнула — но не от ужаса, а от щенячьего восторга:

— ОН МЕНЯ УЗНАЛ! ЭТО ФАНАТ! У НЕГО ФУТБОЛКА С ТЭХЁНОМ!

— ЭТО МЕРТВЕЧИНА, КОТОРАЯ ХОЧЕТ ВЫСОСАТЬ ТВОЙ МОЗГ ЧЕРЕЗ НОЗДРИ! — Мэл рванула подругу на себя, и в этот момент «фанат» прыгнул. Когти — откуда у трупа когти, словно у дикого кота?! — пропороли бетонную стену в сантиметре от лица Элис, оставив три глубокие борозды.

Они разбежались. Это был не тактический манёвр — это был чистый животный ужас. Мэл понеслась к пожарному выходу, а Элис — куда-то вверх, на эскалатор. Последнее, что донеслось до ушей:

— ВСТРЕТИМСЯ У РОРИ! Я БЫСТРО! ТОЛЬКО ЗА КРАСКОЙ!

Затем — резкий, профессиональный удар сзади. Не зомби. Человек. Резиновая дубинка по основанию черепа. Вспышка — фиолетовая, как мечты Элис о красивой смерти. И темнота.

Сейчас, сидя в этом проклятом подвале с мыслью, что Элис, возможно, до сих пор красит волосы где-то в заброшенной «Косметике», напевая песенки и приманивая мертвецов своим сиянием, Мэл злилась. Злилась на себя, на дуру-подругу, на бога, который, если и существовал, давно переформатировал апокалипсис в реалити-шоу «Выживают только придурки».

«Элис выживет, — подумала она с чернейшей уверенностью. — Таких, как она, вселенная бережёт, чтобы использовать в качестве биологического оружия. Дуракам закон не писан. А умные… умные сидят в подвале. Со связанными руками. Слушают, как чьи-то мозги превращаются в паштет».

Показательная казнь случилась то ли через час, то ли через пять минут. Время здесь утратило смысл, как и само понятие человечности.

Здоровяк с татуировкой змеи, обвивающей бычью шею, выбрал жертву. Мужчина в разодранной рубашке, который до этого молился — шёпотом, быстро, словно строчил из автомата, — когда его выволокли в центр круга, обмочился повторно. Запах ударил в ноздри, перебивая даже общий смрад.

— Смотрите сюда, — произнёс мародёр тоном ведущего кулинарного шоу. — Это несложно. На самом деле больно. И долго. Но я справлюсь быстрее, чем ваши фантазии о спасении.

Он перерезал мужчине горло не одним движением, а тремя. Медленно. С наслаждением. Как рвут жёсткую куриную кожу. Кровь хлестала не фонтаном из блокбастера — она вытекала густыми, почти чёрными сгустками. Обезвоживание превратило кровь в желе, и сердце качало уже не жидкость, а какую-то биомассу.

Мужчина рухнул и ещё целую минуту выбивал пятками ритм по бетону, словно в такт неслышимой мелодии. Хруст шейных позвонков, когда агония выгнула тело дугой, прозвучал как нежный щелчок пальцев.

— Запоминайте лица, — улыбнулся здоровяк, облизывая грязные зубы. — Моё — последнее, что вы увидите, если будете тупить.

Мэл смотрела. Она не отвела взгляд. Не потому, что была храброй — потому что знала: если сейчас моргнуть и отвернуться, она перестанет быть охотником и станет просто мясом. Ментально, ещё до физической развязки. Животные смотрят в глаза смерти, потому что знают — та всегда выбирает того, кто прячет взгляд.

«Хорошо, что Рори не видит этого дерьма. Хорошо, что Элис в дураках и её здесь нет. А я… я в аду, и билет стоит ровно мою никчёмную жизнь».

Полгода назад. База на старом складе.

— Ты думаешь, это навсегда? — спросил он тогда, сидя на корточках и протирая пистолет. Пальцы длинные, красивые, опасные. Пальцы человека, который душил не ради выживания, а ради тактильного удовольствия.

— Ничто не навсегда, — ответила Мэл, не глядя на него. Она бинтовала порез на руке Элис, которая умудрилась пораниться о консервную банку, разглядывая BTS-фан-арт.

— Даже мы? — в его голосе сквозила насмешка, разбавленная чем-то тёмным.

— Ты — тем более, — отрезала Мэл. — Ты ходячее недоразумение, призрак с мачете. Пришёл, научил стрелять, показал, куда бить ножом, чтобы не застрял в рёбрах, и… свалишь. Как всегда.

— Умная, — он усмехнулся. Даже не сделал вид, что обиделся. Он вообще не разменивался на фальшивые эмоции. Только на настоящие: холодный расчёт, голод, злость. — Поэтому ты мне и нравишься. Ты не строишь иллюзий. А иллюзии сейчас убивают быстрее пуль.

— А что остаётся?

— Ненависть. Похоть. Желание выжить назло всем остальным, — он поднял на неё глаза — чёрные, как мазут. В них не плескалось тепла. Но и лжи тоже не было. — Этого достаточно.

Тогда Элис, грызущая заплесневелый сухарик, скосила глаза и прошептала Рори:

— Он психопат?

— Хуже, — прошелестела Рори, не отрываясь от истрёпанного томика. — Он честный психопат. А это самый опасный подвид.

Теперь ОН стоял в десяти метрах от неё, небрежно прислонившись к осыпающейся стене.

Она узнала его сразу — по хищной пластике движений, по манере держать голову чуть набок, по тому, как он дышал. Ровно, глубоко, как сытый зверь, который всегда готов убить на всякий пожарный.

Одет в добротную тактическую куртку — заметно чище, чем у остального сброда. Ботинки целые, дорогие, без следов запёкшейся крови. Он не был пленником. Он был своим среди этих уродов. Или делал вид, что свой. С него станется.

На лице — ни тени узнавания. Ни грамма чувств. Только прохладный, оценивающий взгляд натуралиста, разглядывающего подопытную крысу. «Живая ещё? Ну, надо же, какая живучая».

Мэл ощутила, как в груди что-то оборвалось. Даже не надежда — она и так была мертва. Оборвалась последняя иллюзия, что существует хоть кто-то, кто протянет руку, а не перегрызёт глотку.

Он смотрел на неё ровно пять ударов сердца. Потом его губы едва заметно дёрнулись — не улыбка, нет. Так подрагивает лезвие скальпеля, когда решаешь, где сделать первый надрез.

И он отвернулся.

Просто развернулся и двинулся прочь, в тень, откуда доносились влажные чавкающие звуки.

«Подонок, — подумала Мэл, почти спокойно. Почти философски. — Хрестоматийный урод. С обложки журнала „Выживший подонок — ежемесячно“. Конечно. Кто же ещё».

Теперь её тащили. Здоровяк с татуировкой змеи ухватил за волосы и поволок куда-то в вонючую глубь подвала, туда, откуда доносились самые сочные звуки: мокрый хруст, всхлипы, рваный смех.

— Твоя очередь, красавица, — выдохнул он в ухо перегаром и запахом гнилых дёсен. — Будешь хорошо себя вести — может, умрёшь быстро. Плохо — я лично отрежу тебе губы и заставлю их сожрать. Медленно. А потом привяжу к столбу с табличкой «Живая приманка». Мертвецы любят, когда жертва кричит в верхнем регистре.

Мэл не закричала. Не заплакала. Голосовые связки словно склеились, а глаза остались сухими. Она смотрела поверх его плеча туда, где секунду назад маячил призрак её прошлого — тот, кто мог бы помочь, но предпочёл роль зрителя в первом ряду. Но его уже не было. Только тень на заплёванной стене, похожая на человека, неторопливо натягивающего перчатки перед работой.

«Дно, — подумала она, когда дверь за спиной захлопнулась с тошнотворным скрежетом. — Дно было пробито ещё вчера. Я думала, что уже на дне, но там, внизу, кто-то постучал снизу. И этот кто-то предложил мне копнуть ещё глубже. А я, как послушная дура, взяла лопату».

Она не знала, что случится через секунду. Убьют? Изнасилуют? Продадут на органы или скормят питомцам-зомби для потехи? В этом мире все варианты были дерьмовыми, и каждый — с хрустом.

Она закрыла глаза. Пульс в висках выбивал похоронный марш.

И в этот момент за дверью раздался первый выстрел.

И тогда она вдруг вспомнила, с чего вообще началась вся эта грязная, кровавая, идиотская история.

Глава 2. Три года, два месяца и семь дней до того, как небо рухнуло

В тот день мы ещё умели смеяться, не вздрагивая от каждого шороха. Ещё верили, что дедлайны, издатели и идиоты-редакторы — это вершина человеческого страдания. Наивные, сладкие идиотки. Вселенная, очевидно, слушала наш щебет и плотоядно ухмылялась, предвкушая, как скоро мы захлебнёмся собственными кишками.

Аэропорт пах солью, пережжённым кофе и свободой. Той самой свободой, за которую мы отдали по куску души, ещё не подозревая, что очень скоро единственной валютой станет калорийная банка тушёнки и способность быстро бегать.

— Я всё равно не понимаю, как ты это провернула, — Мэл отпила американо, поморщилась: на вкус — разогретая канализация с нотками карамели. — Пять лет, Рори. Пять лет ты ныла, что издательство — скопище идиотов с графоманским зудом, а конкуренты продали дьяволу не только души, но и лишние почки. И тут — бац. Ты в топе. Признавайся: что ты пообещала дьяволу, или это он решил откупиться, лишь бы не читать твои книги?

Рори — младшая, двадцать пять, голубые глаза, светящиеся искренним, почти идиотским счастьем, каштановые волосы, собранные в пучок, который разваливался от каждого чиха, — сияла так, будто лично выиграла Армагеддон.

— Не «бац», а закономерный успех, — она ткнула в телефон, делая селфи; на заднем плане Элис показала рожки с фиолетовым маникюром. — Мои ведьмы наконец нашли свою аудиторию! Три дуры, которые не разбираются в мужиках, вечно влипают в дерьмо, жгут костры там, где не надо, но всё равно всех побеждают. Читатели сказали: «Это наши дуры!» И студия предложила экранизацию. Экра-ни-за-ци-ю, Мэл! Представь: наши тупые приключения, только с бюджетом и, надеюсь, без настоящих трупов.

— Ага, — хмыкнула Мэл, поправляя лямку рюкзака. — Экранизация, где твоих ведьм превратят в силиконовых блондинок с пустыми глазами и репликами уровня «О боже, он такой горячий». Но ты хотя бы бабла срубишь, если мир не рухнет раньше премьеры.

— Оптимистка неисправимая, — фыркнула Рори, не переставая улыбаться. — Ой, да брось. Мы на две недели. Море, солнце, коктейли с зонтиками и полное отсутствие мужиков, которые выносят мозг. Я заслужила этот отпуск. Мы все заслужили.

Она счастливо откинулась на пластиковое кресло и, разумеется, чуть не навернулась, потому что координация у Рори была как у пьяного жирафа. Мэл поймала сестру за локоть, закатила глаза и процедила что-то про «биполярку в действии». Диагноз был поводом для гордости: Рори утверждала, что именно цикличность настроения помогает ей писать гениальные диалоги для ведьм-невротичек.

Элис тем временем с видом судмедэксперта изучала упаковку солёных крендельков, добытую из вендингового автомата. Двадцать девять, серо-голубые глаза с острым кошачьим разрезом, длинные фиолетовые волосы, заплетённые в косу до пояса, и пирсинг в брови, сверкающий даже под лампами дневного света. Выглядела она как фея-потрошитель, сбежавшая из аниме.

— Ты как вообще убедила свою галерею, что тебя не сожрут акулы бизнеса, пока ты две недели будешь пить мохито? — поинтересовалась Рори, подбирая под себя ноги.

— Акулы? — Элис картинно изогнула бровь. — Милая, мои картины покупают люди, которые платят бешеные бабки за то, чтобы я нарисовала им абстракцию, которую они «глубоко чувствуют». На прошлой неделе один коллекционер отвалил пятнадцать тысяч за полотно, которое я создала, когда чихнула и опрокинула латте на холст. Пятнадцать штук, Рори. За кофе с моими соплями.

— И в чём смысл? — растерянно спросила Рори.

— В том, что смысла нет, — широко улыбнулась Элис, обнажая идеально ровные зубы. — А если смысла нет, то и терять нечего. Я оставила менеджеру свой номер и сказала: «Звоните, только если мир рухнет». Мир пока цел. Значит, я в отпуске. И имею полное право двадцать четыре на семь смотреть на корейских айдолов и представлять, как Чимин женится на мне в параллельной вселенной.

Мэл фыркнула в стакан. Элис была ходячим парадоксом: раньше она работала медрегистратором в больнице и насмотрелась на такие глубины человеческой анатомии, что навсегда разлюбила медицину. Пять лет регистрировать пациентов, которые умудрялись засунуть в себя батарейки, ёлочные игрушки и однажды — пластмассового динозаврика с острыми шипами (куда — не спрашивайте…), — это выжигает любой идеализм напрочь. И она ушла в искусство. Рисовала странно, ярко, с каким-то хаотичным драйвом. Её абстракции отлично продавались, позволяя не работать с живыми людьми и их инородными предметами внутри.

— А ты, Мэл? — Рори переключила внимание, покачивая ногой. — Ты вообще могла остаться в той дождливой дыре, куда сбежала. Зачем попёрлась с нами?

Мэл — Меллиса, двадцать девять, миловидная, с лёгкой сексуальной надменностью на пухлых губах и зеленовато-карими глазами, смотрящими на мир сквозь призму вечного скепсиса, — пожала плечами:

— Потому что, если не отдохнуть, я придушу кого-нибудь в своём арт-пространстве. Фотографы, модели, клиенты, которые говорят «сделайте мне красиво, я не знаю как, но чтобы как в тех модных блогах», — это ад на земле. Я переехала в другую страну, думая: «Если не получится — сдохну в канаве, но хотя бы попробую». Получилось. Теперь я хочу море. И чтобы никто не трогал мои нервы. Хотя бы две недели.

Она не стала добавлять, что переезд был импульсивным, почти истерическим: купила билет в один конец, сняла каморку, открыла студию на последние деньги и выжила на чистом упрямстве. Независимый фотограф, который никому ничем не обязан. Лучшая инвестиция в собственную свободу — которая вот-вот обесценится до нуля.

— Ладно, — Элис хлопнула в ладоши. — Главное — мы все здесь. Две недели. Море. Коктейли. И никаких мужиков, потому что они — корень всех бед.

— Это ты про своих вымышленных любовников из дорам? — подколола Мэл.

— Я про реальных, — парировала Элис. — Реальные — это сплошное разочарование. Они либо критикуют мои волосы, либо не понимают, почему я смеюсь над сценами расчленёнки. А корейские айдолы — они в телефоне. Идеальные, молчаливые, никогда не скажут, что я странная. Помнишь того, с кем ты встречалась, Мэл?

Лицо Мэл на миг застыло. В зрачках мелькнуло что-то холодное — не боль, а скорее узнавание старого врага.

— О ком речь? — спросила она слишком спокойно.

— Да ладно, проехали. История древняя, — Элис вовремя слилась, махнув рукой. — Лучше скажи, успеваем на регистрацию?

— Успеваем, — Рори сверилась с телефоном. — У нас ещё час. Можно обсудить моих ведьм, твоих айдолов и её… — она кивнула на Мэл, — успешный бизнес, который, судя по лицу, вот-вот кого-то покусает.

— Твои ведьмы списаны с нас, — усмехнулась Мэл, оттаивая. — Три идиотки, вечно влипающие в катастрофы. Знакомая схема.

— Обижаешь, — отмахнулась Рори. — Мои ведьмы хотя бы колдовать умеют. А мы что умеем?

Элис вдруг стала серьёзной. Всего на секунду. В её кошачьих глазах прорезалось что-то, наработанное годами в больнице:

— Выживать. Мы умеем выживать. Я за пять лет видела, как люди умирали от того, что им в задницу попала пластмассовая вилка. Поверьте, после такого обычный апокалипсис покажется лёгкой прогулкой.

Они рассмеялись. Громко, почти истерично — как люди, которые наконец-то выдохнули. Где-то внутри у Мэл уже скручивался холодный узел, но она списала его на некачественный кофе и общую паранойю.

Объявление по громкой связи: «Рейс 818 до места, где солнце и море, задерживается на двадцать минут в связи с техническими неполадками».

— Техническими, — проворчала Мэл. — Везде техника. Везде проблемы.

— Расслабься, — Рори легонько толкнула её плечом. — Мы в отпуске. Представь: бриз, волны, никаких дедлайнов, никакой беготни…

Договорить она не успела. Откуда-то из-за бетонных стен донёсся низкий, утробный гул. Не двигатели. Не вентиляция. Звук, от которого вибрировали пломбы в зубах. Мэл напряглась, вглядываясь в панорамное окно. Небо было идеально голубым, почти издевательски мирным.

— Что это? — спросила Элис, перестав улыбаться.

— Не знаю, — ответила Мэл, чувствуя, как интуиция орёт матом в подсознании. — Но мне это не нравится.

0 минут. Момент, когда «что-то» стало «всем».

Сначала — вспышка. Белая, стерильная, как в операционной, где пациент уже не жилец. За ней — звук, выбивающий воздух из лёгких. Такой, что Элис зажала уши, а Рори выронила телефон, и экран брызнул осколками ей под ноги. Огромный пассажирский самолёт, который по всем законам физики должен был стоять на полосе, медленно и неотвратимо полз прямо на терминал. Пилот то ли умер за штурвалом, то ли решил, что парковка у выхода 14 — идеальное место для финальной точки маршрута.

Самолёт врезался. Никакого красивого киношного взрыва — только низкий, утробный хруст разрываемого металла, бетона и человеческих тел, которым не повезло стоять слишком близко. Стены дрогнули, с потолка посыпалась пыль и куски проводки. Крики — не все сразу, а как-то выборочно, словно часть людей ещё не поняла, что уже мертва.

— Бежим! — заорала Мэл, хватая Рори за капюшон, а Элис за косу. Не к гейту — к пожарному выходу, потому что любой дебил, смотревший хоть один зомби-хоррор, знает: в замкнутом помещении оставаться нельзя.

3 минуты. Абсурд в чистом, концентрированном виде.

Среди дыма, сирен и запаха горелого керосина, смешанного с чем-то мясным, Рори увидела его. Парень лет тридцати, обычная толстовка с надписью «We will save the planet», джинсы, кеды. За спиной — рюкзак. В руках — картонная коробка с дырками. Он бежал, прижимая её к груди, как величайшую драгоценность, и из коробки доносилось жизнерадостное кряканье.

Три утки. Маленькие, жёлтые, пушистые. Абсолютно офигевшие от того, что их только что вырвали из безопасной багажной зоны и несли в эпицентр ада.

Рори, у которой стресс всегда бил в рептильный участок мозга, отвечающий за либидо, вытаращилась и прошептала:

— Брэдли?..

Потому что парень был похож. Чертовски похож на того самого британского актёра, с плакатами которого она спала в обнимку. Те же скулы, тот же разлёт бровей, даже придурковатое выражение лица, какое бывает у людей, спасающих водоплавающих в зоне катастрофы.

— Это не Брэдли, идиотка! — взревела Мэл, толкая сестру в спину. — Беги! Утки сами о себе позаботятся!

7 минут. Первая кровь. И вторая. И ещё много.

Парень с утками не пробежал и двадцати метров. Из-за покорёженной стены вышла Она. Женщина в разорванной форме стюардессы, бледная до синевы. Двигалась слишком быстро, слишком текуче — ни следа посмертного окоченения. Голова дёрнулась, раздался влажный хруст шейных позвонков, и Мэл увидела, что нижняя челюсть у неё отсутствует. Язык — длинный, серый — болтался наружу, как грязный галстук, а из разорванной трахеи вырывался не рык, а сипение, полное голодного предвкушения.

Парень, святая простота, шагнул навстречу:

— Эй, вам помочь?..

Стюардесса прыгнула. Не как человек — как хищник, чьи мышцы переписаны под единственную задачу: разорвать, сожрать, двигаться дальше. Её пальцы с обломанными ногтями вцепились ему в плечо, раздирая толстовку и кожу, а то, что осталось от рта, впилось в шею сбоку, точно целясь в сонную артерию. Хрустнул кадык. Кровь ударила не фонтаном — толчками, густыми, тёмными, с кусками размозжённой трахеи. Парень рухнул, так и не выпустив коробку. Утки выкатились на пол, закрякали пронзительно и бросились врассыпную — жёлтые комочки ужаса, которые через пару секунд с хлюпаньем исчезли под ногами обезумевшей толпы.

Элис, бывший медрегистратор, побелела, но профессиональная привычка сработала быстрее инстинкта самосохранения:

— Сонная артерия… господи, я никогда не забуду этот чпокающий звук…

— Спасибо за медицинский комментарий, доктор Смерть! — рявкнула Мэл, хватая подругу за шкирку. — Пациент мёртв, нам пора валить!

15 минут. Терминал превращается в мясную лавку.

Мертвецы появлялись отовсюду — из-за обломков, из-под рухнувшей крыши, из толпы, потому что те, кого укусили, через минуту вставали и набрасывались на соседей. Никакого инкубационного периода, никаких «прощай, любимый, я всегда буду помнить». Упал — поднялся — жри.

Были быстрые. Были почти целые, с нормальными лицами, только бельма на глазах и неестественно плавные движения челюстей, перемалывающих воздух в ожидании плоти. Одна женщина в деловом костюме, с идеальной укладкой, ползла по полу, волоча за собой вывернутую ногу с торчащей берцовой костью, и методично вгрызалась в лодыжку упавшего мужчины.

Мэл тащила своих к служебному выходу, выкрикивая матом то, что не успевала облечь в слова. Под ногами хлюпало — смесь крови, раздавленных уток и разлитого кофе. Кто-то вцепился в её рюкзак, она двинула локтем назад, не оборачиваясь, и услышала, как хрящи носа превратились в кашу.

— Они быстрее, чем в фильмах! — проорала Рори, срывая голос.

— В фильмах они хотя бы спотыкаются об трупы, а эти перепрыгивают! — отозвалась Мэл, не сбавляя темпа. — Добро пожаловать в реальность, детка!

25 минут. Точка невозврата.

Они вывалились на лётное поле через покорёженную дверь. Воздух здесь был пропитан керосином, дымом и сладковатым смрадом горелой плоти. Над горизонтом поднимались чёрные столбы — не только из аэропорта, а со стороны города. То же самое творилось везде. Апокалипсис не прислал уведомление — он просто включился, как ядерный реактор без системы охлаждения.

Рори рухнула на колени прямо на бетон, обхватила голову руками и замерла. Её трясло, зубы стучали, из горла вырывался тонкий скулёж.

— Я не могу… Мэл, тот парень… утки… он просто хотел спасти уток…

— Ему уже всё равно, — Мэл рывком подняла сестру за плечи, встряхнула так, что клацнули зубы. — И нам должно быть похер, если хотим дожить до завтра. Ты хочешь, чтобы тебя разорвали, как того дебила с коробкой? Хочешь, чтобы твои кишки намотали на винты следующего самолёта? Отвечай!

Рори захлебнулась воздухом и затрясла головой.

— Тогда вставай и беги. Без вариантов. Без «я устала». У нас нет времени на твою депрессию, сестрёнка. Мы — мясо, которое пока ещё может дать сдачи.

Элис, всё это время стоявшая столбом, вдруг смачно выблевала остатки крендельков на собственные кеды. Вытерла губы рукавом, шмыгнула носом и абсолютно буднично сказала:

— Ненавижу свою работу. И уток. И Брэдли. Если выживем — я нарисую этого парня в виде святого с утками. А пока — идём, или я снова начну блевать, и это будет уже желудочный сок, а он жжётся.

Мэл помогла Рори подняться. Та была лёгкой, как пустая оболочка. Втроём они двинулись в сторону, где дым казался чуть менее густым, спотыкаясь о куски бетона и обломки чьей-то прошлой жизни.

Мэл не оглядывалась. Она знала: позади — разорванные тела, догорающие обломки и маленькое жёлтое перо, кружащееся в воздухе, медленно оседающее в лужу чужой крови. Оно ещё долго будет ей сниться — в те редкие ночи, когда удастся уснуть.

Она ещё не знала, что это только начало. Что впереди три года грязи, голода, предательств и потерь. И что однажды она очнётся в подвале, связанная, и поймёт: тот самый отпуск, о котором они мечтали, превратился в бесконечный рейс в никуда с пересадкой в аду.

Но тогда, на лётном поле, она просто бежала. И заставляла бежать других. Потому что единственная мысль, пульсирующая в голове, была проста и цинична до оскомины: «Выжить. Назло. Всем.»

Глава 3. Первые 48 часов

Авторское отступление. О том, на что способен человек, когда припрёт так, что даже вера в человечество капитулирует.

(Фух, чёртовы утки… До сих пор подташнивает. Давайте на пару минут тормознём, пока я нашариваю в кармане помятую сигарету и пытаюсь не вспоминать хруст. Не выходит.)

Есть старая бородатая шутка: хочешь рассмешить Бога — расскажи ему о своих планах на отпуск. Хочешь насмешить вселенную до икоты — попробуй предсказать, во что превратится цивилизованный хомо сапиенс, когда его посадят на голодный паёк и отключат вай-фай. Серьёзно. Мы все мнили себя венцами творения, а оказались просто ходячими консервами с завышенной самооценкой.

Я, автор этого бедлама, обожаю наблюдать за людьми с нездоровым любопытством патологоанатома. Потому что в момент, когда мир поджаривается на медленном огне, а ты стоишь с половником и не знаешь, то ли обороняться, то ли подливать соус, — слетает всё. Социальные роли, маски, остатки воспитания. Остаётся голый, дрожащий кусок мяса, который либо бежит, либо жрёт, либо ложится и ждёт, когда его выпотрошат. И никто не знает правильного ответа.

Тот парень с утками в аэропорту? Он выбрал пух. Три жёлтых комочка, которые даже на бульон не тянули. Абсурд? Да. Но в этом идиотизме — вся соль новой реальности: каждый спасает то, что считает нужным. Кто-то — свою драгоценную шкуру, кто-то — фиолетовую краску для волос, кто-то — наивную надежду, что военные придут, наведут порядок и выдадут сухой паёк. А кто-то — уток, мать их. Смешно? До колик. И чудовищно, до рвотных позывов.

Не ждите от людей подвигов. Загнанные в угол, они будут кусаться, скулить, предавать, молиться и мастурбировать на обломки прошлого — всё одновременно, как расстроенный оркестр на тонущем «Титанике». И если кто-то протянет вам руку помощи — первым делом проверьте, нет ли в другой руке заточки. Потому что в новом мире доброта — это либо приманка, либо симптом острого помешательства. А улыбка — первый признак того, что кто-то уже знает, каковы на вкус всё ещё бегущие консервы.

Так что задвиньте иллюзии подальше. То, что вы прочтёте дальше, — не героический эпос. Это дневник трёх идиоток, которые пытались не сдохнуть в первые четыре недели. С переменным успехом. С болью, от которой хочется выгрызть себе сердце, но нельзя — привлечёшь тварей.

И утки здесь ни при чём. Хотя, положа руку на сердце, мне до сих пор снится та коробка. И хруст. И жёлтый пух в луже крови.

О-о-о, ну и раз вы ещё здесь — значит, вам хотя бы интересно. Или просто заняться нечем, а Регрессоры за дверью сегодня не бунтуют. В любом случае, неважно. Важно найти то, что вдохновляет. Лично меня вдохновляет музыка. Да, порой депрессивная, порой тяжёлая, как лом, которым проламывают череп, — ну что ж поделать, у каждого свой способ не свихнуться. Кто-то молится, кто-то трахается, кто-то коллекционирует отрезанные пальцы. А я слушаю музыку.

Так что перед тем, как мы продолжим наблюдать за этим театром абсурда, где главные роли исполняют мертвецы, психопаты и одна очень злая женщина с ножом, я, пожалуй, поставлю Bloodline. KALEO. Чтобы было под что перезаряжать ствол и смотреть в потолок с мыслью: «И как меня угораздило?». Мрачновато? Возможно. Зато честно.

Так что врубай погромче, читатель. Мы заглянем за кулисы этого дерьма ещё раз. И кто знает — может, на этот раз нам откроется что-то, кроме крови и кишок. Хотя вряд ли.

Шок. Первые 48 часов.

Бетон под ногами был холодным. Не той вежливой прохладой, от которой мёрзнут пальцы, — нет, это был трупный холод, просачивающийся сквозь подошвы кроссовок, ползущий по костям выше колена, сворачивающийся в позвоночнике склизким клубком и застревающий там пульсирующим напоминанием: ты жива, пока бежишь. Остановишься — умрёшь. А потом встанешь и сожрёшь того, кто рядом.

Они бежали. Сколько прошло времени — без понятия. Часы схлопнулись в один бесконечный кадр: крики, вспышки, удары сердца где-то в горле. Мэл не помнила, как они пересекли лётное поле, хлюпая по лужам и чему-то более густому, пахнущему медью и содержимым кишечника. Не помнила, как пролезали сквозь дыру в проволочном заборе — ржавчина полоснула по предплечью, оставив багровую ухмылку, которую она заметила лишь когда адреналин чуть схлынул и тело соизволило подать сигнал: «Эй, дура, у тебя тут мясо наружу». Не помнила, как вывалились на шоссе — кладбище машин с мигающими фарами, где владельцы словно вышли на минутку, забыв багаж, детей и собственные конечности.

Не вернутся. Никто не вернётся.

Мэл осознала это не умом (ум ещё цеплялся за бред про «локальный теракт» и «скоро всё уляжется»), а телом. Тем самым доисторическим мозжечком, который заставляет мышь вжиматься в угол при виде совы. Мир склеил ласты в тот момент, когда первая стюардесса с оторванной челюстью вгрызлась в чужую сонную артерию. Занавес. Добро пожаловать на шведский стол, где ты одновременно и гость, и горячее.

— Мэл… — голос Элис за спиной дрожал, как студень на разваливающемся блюде. — Мэл, у меня ноги… они не мои. Я ими двигаю, а они будто протезы, набитые ватой.

— Иди, — бросила Мэл, не оборачиваясь. Горло саднило, будто она нажралась битого стекла. — Переставляй одну культю за другой. Это называется «ходьба». Ты умудрялась на шпильках три километра до галереи чесать и не ныла. А тут — ровный асфальт и полное отсутствие бойфрендов, которые пилят мозг.

— Я серьёзно! — всхлипнула Элис. Фиолетовая коса превратилась в паклю, лезущую в рот, и она смахивала на безумную фею, которую только что отымели в промзоне. — Я смотрю на свои конечности, а они как чужие. Словно их пришил пьяный хирург и забыл подключить нервы.

— Значит, волоки. Но не останавливайся. Секундная пауза — и ты чей-то ланч. Я не собираюсь объяснять Рори, почему от тебя остались только фиолетовые волосы и половина челюсти.

Рори молчала. И это было в сто раз страшнее воплей.

Рори, которая даже во сне комментировала происходящее с сарказмом опытного стендапера. Которая в очереди за багетом могла выдать тираду про продавщицу, от которой ржали даже охранники. Теперь она брела за Мэл, как болванка. Глаза распахнуты, но лампочка внутри погасла. Кто-то вырубил рубильник за её голубыми радужками, и сестра превратилась в куклу с автопилотом.

«Держись, — мысленно рычала Мэл. — Держись, чёрт тебя дери. Я не вытащу вас обеих, если ты впадёшь в кататонию. А я и так балансирую на грани истерики, притворяясь терминатором».

Шоссе было грёбаным некрополем. Машины. Сотни. Некоторые ещё дымились. В салонах — тени. Мэл запретила себе туда смотреть. Она выжгла на подкорке правило: если внутри кто-то есть и он не шевелится — он либо труп, либо притворяется. А притворяются только те, кто уже перестал быть человеком. Потому что живые ломаются — кричат, молятся, названивают по телефону, пытаются спасать чужих детей. А эти… эти просто ждут, пока ты подойдёшь достаточно близко, чтобы пересчитать зубы языком.

Они наткнулись на семью. Классическую, будто с рекламного билборда: папа, мама, девочка лет семи, мальчик лет пяти. Стояли на обочине, вцепившись друг в друга, как утопающие. Папаша охрипшим фальцетом выкрикивал в пространство:

— Помогите! У нас дети! Мы пешком! Ради Христа, кто-нибудь, остановитесь!

Мэл прошла мимо. Не сбавив шага. Не повернув головы. Словно перед ней был не человек, а рекламный щит с истёкшим сроком годности.

— Мэл! — Элис вцепилась в её рукав так, что ткань затрещала. — Мэл, блядь, там дети! Ты видишь?!

— А там, — Мэл мотнула головой назад, в сторону аэропорта, откуда всё ещё поднимался жирный, сладковатый дым, — там парень с утками. Помогло ему его благородство? Спроси у переваренных утиных косточек. Если найдёшь их. Скорее всего, их уже переварили. Или они переварили кого-то.

Элис замолчала, подавившись возражением. Рори даже не шелохнулась. Только механически переставляла ноги, глядя в затылок сестры.

Мэл чувствовала себя куском дерьма. Не просто дерьма — тем самым, что лежит на дне выгребной ямы, присыпанное сверху более свежим дерьмом и придавленное бетонной плитой с гравировкой «здесь погребены остатки морали». Но она понимала чётко: остановка — смерть. Помощь — смерть вдвойне, потому что эти четверо не жильцы, они — приманка, даже если сами этого не знают. В этом новом мире эмпатия — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить, даже если у тебя полный карман золотых кредиток.

Они нашли заправку. Магазинчик с выбитой витриной. Внутри царил хаос — разграбленные полки, осколки стекла, липкие лужи колы. Мэл заставила себя мыслить рационально, хотя инстинкты орали «беги, дура, здесь пахнет жратвой, а значит, и жрущими». Но рациональность прошипела в ответ: без воды и калорий вы сдохнете через двое суток, с ними — может, протянете неделю.

— Проверяем, — скомандовала она, перешагивая через битое стекло. — Каждый угол. За прилавком. В подсобке. Если там кто-то есть, я хочу знать об этом до того, как его зубы познакомятся с моей ключицей.

— Ты говоришь как… — начала Элис и заткнулась.

— Как кто? — Мэл резко развернулась, и в её глазах блеснул тот самый нездоровый огонёк, от которого мурашки бегут в обратную сторону. — Как параноик? Как выживальщик-социопат? Выбирай выражения. Или ты предпочитаешь, чтобы та хреновина с половиной лица, которую мы видели у грузовика, прошептала тебе на ушко «сюрприз, сучка»?

Элис промолчала, лишь прижала к груди монтировку — ржавый кусок железа, найденный в кузове брошенного пикапа. Монтировка была дерьмовой, но давала иллюзию контроля.

Магазин не был пуст. Почти. За кассой сидел продавец — мужчина за пятьдесят, в фартуке, когда-то белом, а ныне цвета запёкшейся крови. Он сидел, привалившись к стенке, с запрокинутой головой и открытым ртом — то ли в беззвучном крике, то ли в приглашении дантисту с кувалдой. На лбу аккуратное пулевое отверстие. Кто-то проявил милосердие или банальную жадность — не захотел делиться помещением.

Мэл обыскала труп с проворством мародёра со стажем. Никакой дрожи — она сотни раз прокручивала это в голове, лёжа на диване и комментируя тупость героев ужастиков. Забрала ключи от подсобки (брелок с рекламой пива — ирония, мать её), забрала кухонный нож с зазубринами — лучше, чем ничего. Из нагрудного кармана выудила мятую пачку сигарет. Бросила курить два года назад, сбегая в новую жизнь. Сейчас затянулась так, что закружилась голова, а лёгкие обожгло. Никотин скрутил желудок, зато прочистил мозги ровно настолько, чтобы не начать биться головой о стену.

Только тогда она огляделась по-настоящему. Полки ломились. Консервы, крупы, макароны, вода в бутылках громоздилась до потолка. В холодильных витринах розовели ещё не протухшие стейки; сыр пах так, что свело скулы; йогурты ждали своего часа с датой на завтра. Генератор за спиной мерно урчал — свет в магазине не погас, а значит, морозильники держали минусовую температуру. Еды хватило бы на месяц, а то и больше.

Но оставаться долго не стоило.

Они забаррикадировались в дальнем углу за ящиками. Ели молча, жадно, почти без жевания. Сначала не могли остановиться — пальцы дрожали, крошки летели на пол. Потом замедлились, потому что желудки взбунтовались от насилия сытостью после двух суток голода. Мэл откинулась на ящик, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Мы живы, — констатировала она. — Сегодня. Это уже почти успех.

Она не добавила, что завтра их могут жрать. Не сказала, что они потеряли килограмма по три каждая — от страха. Не призналась, что понятия не имеет, где окажется через неделю и не превратится ли в ту самую тварь, которая будет улыбаться перед броском. Вместо этого она глядела на сестру и подругу и лгала им одними зрачками: «Всё будет хорошо. Мы справимся».

Элис отрубилась первой — или просто выключилась, разница атрофировалась. Рори провалилась следом, прижимая к груди пустую бутылку из-под воды, словно плюшевого медведя.

Мэл дежурила. Слушала тишину за разбитой витриной — ту самую, ненастоящую, густую, как свернувшаяся кровь. Тишина была хуже рыка. Она означала, что хищник где-то рядом и уже выбрал тебя, но ещё растягивает удовольствие.

А потом Мэл сломалась. Сама, без посторонней помощи. Просто села, уткнулась лицом в колени, обхватила голову руками и затряслась. Не от холода — изнутри, из того гнилого подвала души, где хранятся все невыплаканные слёзы, прорвало трубу.

Она плакала. Беззвучно, с надрывом, размазывая по щекам копоть, грязь и остатки туши. Слёзы смешивались с кровью из царапины на лбу, образуя грязно-розовые подтёки. В голове крутилась заезженная пластинка: «Я маленькая девочка. Я хочу к маме. В дом, где пахнет оладьями и кондиционером для белья. Где можно лечь на диван, укрыться клетчатым пледом, включить тупое кино и знать — завтра будет таким же тупым и безопасным. Где никто не пытается меня сожрать, прикидываясь человеком.

Но дома больше нет. Мамы больше нет. И той Мэл, что строила планы на отпуск, — тоже нет. Есть только я, тупой нож и две спящие дуры, за жизнь которых я отвечаю, хотя сама ни черта не умею».

Она поняла это не умом — ум ещё цеплялся за бредни вроде «военные оцепят периметр». А местом что находится между сердцем и желудком, где отчаяние гнездится раньше, чем становится мыслью.

«Мамочка, — прошептала она про себя, сжимаясь до размера дрожащей мыши. — Мне так страшно. Я не справлюсь. Я не та, которой прикидываюсь. Я просто плохая актриса, и моя главная роль — „та, что не плачет“. Но я плачу. Я хочу обратно. В мир, где самым страшным был неоплаченный счёт за свет».

Она плакала, пока не кончились слёзы, а в груди не осталась лишь пустая, выскобленная полость. Просидела так час. Или три. Время теперь было вязким, как расплавленный пластик.

А потом она выпрямилась. Вытерла лицо грязным рукавом, размазав розовую слизь по подбородку. Шмыгнула носом и посмотрела на спящих. Рори всё бубнила во сне. Элис перевернулась на бок.

— Ладно, — прошептала Мэл в пустоту, поправляя нож на коленях. — Ладно. Пути назад нет. Только вперёд. Мы живы, и это уже победа. Сейчас переждём до рассвета, а завтра… завтра придумаем, как не стать чьей-то едой.

Спать она не собиралась. Но организм решил иначе: сморил её рывком, как ребёнка после долгой истерики. Провал в темноту был мгновенным, без сновидений — только чёрная, липкая пустота.

Глава 4. Первый месяц (Хроники памяти)

Знаете, что самое страшное? Это не зомби. Не голод. Не холод, от которого зубы превращаются в колоду карт, а суставы скрипят, как несмазанная дверь склепа. Самое страшное — это каким-то чудом выживать месяц в этом аду, хотя мозгом понимаешь: это нереально. Статистика, мать её, была против нас с первой секунды. Три девушки без боевой подготовки, без оружия, без понятия, как выживать в мире, где каждое «доброе утро» может стать последним. По всем законам логики мы должны были стать чьим-то обедом ещё в аэропорту. Или на шоссе. Или в том магазинчике у заправки. Но нет — мы всё ещё дышим. И я даже не знаю, кого благодарить или проклинать за это. Может, вселенную, у которой специфическое чувство юмора. Может, собственное упрямство, граничащее с идиотизмом. Может, ту самую монтировку, которую Элис до сих пор таскает с собой, хотя она погнута и воняет тухлятиной.

Но факт остаётся фактом: раз я всё ещё дышу, раз мои лёгкие до сих пор качают воздух, а сердце гоняет кровь по жилам — посмотрим, куда приведёт нас этот путь. Дальше. Вглубь. В то дерьмо, которое мы почему-то называем жизнью.

Первая неделя: шок, монтировка и атрофия морали.

Если первые 48 часов были бесконечным спринтом с элементами блевоты, то первая неделя стала экзаменом на право называться хищником, а не кормом. Мы забились в тот магазинчик при заправке, как крысы в нору, и прожили там шесть дней. Шесть дней, которые перемололи всё, что мы знали о себе.

Поначалу мы просто сидели за баррикадой из ящиков и слушали тишину. Она была хуже звуков. Звук можно опознать, классифицировать, приготовиться. Тишина же означала, что где-то рядом затаился тот, кто умеет не шуметь. А это почти всегда — кто-то очень голодный и очень терпеливый. Я дежурила по ночам, потому что спать всё равно не могла — перед глазами стоял тот парень с утками, его разорванная трахея и хруст, который не вытравить ничем. Элис спала урывками, вздрагивая и бормоча имена корейских айдолов вперемешку с молитвами. Рори… Рори просто лежала, глядя в потолок. Она ела, когда я совала ей в рот крекер, пила воду, если подносила бутылку к губам, но сама — молчала. Это было страшно. Будто внутри неё захлопнулась дверь, и ключ остался где-то на лётном поле, в луже крови и керосина.

Элис заговорила об этом на второй вечер. Мы сидели в тусклом свете аварийной лампы, жевали холодные консервированные бобы и старались не прислушиваться к тому, как ветер доносит с шоссе чьи-то стоны — далёкие, но от этого не менее жуткие.

— Она вернётся? — спросила Элис, кивая на Рори. Она машинально перебирала пряди, заплетая и расплетая их. — Ну, в смысле… психически.

— А кто из нас психически стабилен? — буркнула я, не отрываясь от банки. — Ты на третьи сутки апокалипсиса искала карточки с корейцами. Я, как дура, пошла с тобой. Рори хотя бы молчит. Это уже признак ума.

— Я серьёзно, Мэл.

Я вытерла рот рукавом, посмотрела на сестру. Та сидела, привалившись к стене, и смотрела перед собой пустыми, как выключенные мониторы, глазами. Грудь вздымалась и опускалась — просто рефлекс, не более.

— Вернётся, — сказала я, хотя сама в это не верила. — Она писатель. Они все чокнутые, но живучие. Придёт в себя, ещё и книгу об этом напишет. «Как я проебала апокалипсис». Бестселлер.

— Думаешь?

— Я надеюсь. А это почти одно и то же. Почти.

На третий день Рори очнулась. Не медленно, не постепенно — рывком, словно кто-то щёлкнул рубильником обратно. Тогда я услышала за спиной хриплый, но узнаваемый голос:

— Я, кажется, проебала свой отпуск. И телефон. И иллюзию, что мир справедлив.

Я обернулась. Она сидела, потирая затёкшую шею, и разглядывала свои руки — грязные, в царапинах, с обломанными ногтями. Потом подняла на меня глаза: не пустые — усталые, но с той самой искрой сарказма.

— С возвращением, — буркнула я, хотя внутри у меня что-то расслабилось — туго натянутый нерв, который гудел последние трое суток. — Телефон твой в аэропорту. Вместе с утками. Можешь считать, что он отправился в рай для гаджетов.

— Жаль, — Рори почесала нос. — Там были заметки для новой книги. Теперь придётся писать в голове. Или на стенах. Кровью. Как все нормальные писатели в постапокалипсисе.

Я фыркнула, не удержавшись. Элис, которая в этот момент пыталась вскрыть банку тунца погнутой монтировкой, радостно взвизгнула и чуть не выронила свой инструмент.

— Рори! Ты жива! В смысле, ты — ты!

— Я — я, — подтвердила та, поднимаясь на ноги. — И я хочу жрать. И писать. И, кажется, в туалет. Всё одновременно. Кто-нибудь нашёл нормальный сортир или теперь это — философская концепция?

Так Рори вернулась. Не та, что смеялась над дедлайнами, а новая версия — Рори 2.0, с прошивкой «сарказм как защитный механизм». И это было к лучшему.

На четвёртый день мы впервые убили. По-настоящему. Не в панике, не на бегу, а осознанно, хладнокровно, глядя в глаза.

Мы услышали скрежет у заднего входа. Я скомандовала «тихо» и взяла кухонный нож. Элис схватила монтировку, Рори — обломок трубы. Мы затаились за стеллажами. Дверь, которую мы кое-как забаррикадировали, дёрнулась раз, другой, потом с хрустом подалась внутрь, и в проёме появилась она — женщина. Точнее, то, что от неё осталось. Разорванная блузка, когда-то белая, теперь цвета запёкшейся грязи, спутанные волосы, свисающие клочьями, и лицо — половина нормальная, почти человеческая, вторая — обнажённая челюстная кость с ошмётками мышц. Она двигалась быстро, слишком быстро для существа, которое должно было лежать в морге. Голова дёрнулась в нашу сторону, и из горла вырвался звук — не рык, а какое-то сиплое «хр-р-р», полное голодного предвкушения.

Элис стояла ближе всех. Я видела, как её пальцы сжались на монтировке добела, как дёрнулся кадык, как расширились зрачки — всё как в замедленной съёмке. Тварь прыгнула. И в этот момент Элис, которая когда-то регистрировала пациентов с инородными предметами в заднице, заорала нечто среднее между визгом и боевым кличем и обрушила монтировку на голову мертвеца. Раз, другой, третий. Хруст костей, брызги чёрной жижи, глухой удар тела о бетон.

Я рванула к ней, готовая оттаскивать, но Элис уже стояла над трупом, тяжело дыша, с монтировкой, с которой капало что-то тёмное. Её трясло.

— Я… я её…

— Ты её убила, — подтвердила я, осторожно забирая из её пальцев орудие. — Окончательно. Дважды. Может, трижды.

Элис посмотрела на свои руки, потом на тело, потом на меня. И вдруг согнулась пополам, и её вывернуло прямо на пол. Я держала её за плечи, пока она блевала, и молчала.

— Прости, — прохрипела она, вытирая рот. — Я не… я просто… оно было похоже на человека, Мэл. На человека, который просто очень, очень голоден.

— Оно и было человеком. Теперь это удобрение.

На пятый день всё повторилось. Только теперь Элис не блевала. Она просто вытерла монтировку о чью-то грязную куртку, валявшуюся на полу, и сказала:

— Как в больнице, только пациенты не жалуются.

Я поняла: Элис адаптировалась. Может, быстрее, чем я. И от этого становилось не по себе.

К концу недели мы выработали правила. Я настояла. Правила были простыми, как удар в челюсть: всегда дежурить по двое, не шуметь, свет зажигать только в глубине магазина, чтобы снаружи не было видно, запас воды распределять поровну, за порог — только с оружием. Еда: мы сожрали почти всё скоропортящееся в первые дни, оставив консервы и сухие пайки. Энергетики я спрятала в свой рюкзак и объявила «неприкосновенным запасом» — на случай, если кому-то потребуется срочно бежать и не вырубиться через километр.

Я научилась не спать по двое суток. Научилась различать звуки: шорох крысы — не страшно, шарканье — терпимо, быстрый перебор ног — беги или прячься. Научилась не думать о будущем дальше, чем на ближайшие два часа. Потому что будущее — это абстракция, а абстракции в новом мире умирают первыми.

Один раз, когда все уснули, я снова плакала. Беззвучно, зажав рот ладонью, чтобы не разбудить девчонок. Слёзы катились по грязным щекам, и я думала о том, что моя прежняя жизнь — студия, клиенты, фотографии — всё это кажется сном. Глупым, наивным сном. А теперь реальность — это хруст костей, запах тухлятины и три девушки, которые зависят от меня. Я, чёрт возьми, лидер? Я, которая сбежала в другую страну от проблем и дедлайнов? Смешно. Но выбора не было. Либо я, либо никто.

Вторая неделя: бегство, кровь и солёные огурцы.

На восьмой день магазин перестал быть безопасным. Регрессоры (тогда мы ещё не знали этого слова, мы звали их просто «гнилые») нашли нас по запаху. Или по звуку. Или им просто настучала вселенная, которая решила, что мы слишком комфортно устроились для конца света.

Я заметила их на рассвете — сначала несколько фигур вдалеке, у шоссе, потом больше. Они двигались целенаправленно, как муравьи на запах мёда. Я насчитала восемь. Потом двенадцать. Потом плюнула и бросилась будить остальных.

— Уходим. Сейчас. Через чёрный ход.

— Но там ещё еда! — запротестовала Элис, хватая свой рюкзак.

— Еда нам не понадобится, если мы станем едой, — рявкнула я, запихивая в сумку остатки консервов и бутылки с водой. — Рори, топор! Элис, трубу! Живо!

Мы выскользнули через заднюю дверь за мгновение до того, как передние окна магазина с хрустом выбило. Я бежала последней и слышала, как они вломились внутрь — топот, влажное чавканье, грохот опрокинутых полок. Кто-то из них завыл — низко, протяжно, и этот вой подхватили остальные. У меня волосы встали дыбом на загривке, но я заставила ноги двигаться быстрее.

Вторую неделю мы провели в дороге. Шоссе, поля, лесополосы, какие-то заброшенные деревни, где дома стояли пустыми, а во дворах ещё висело бельё на верёвках — словно хозяева вышли на минутку и не вернулись. Мы старались держаться подальше от крупных городов и магистралей, но полностью избежать встреч не удавалось.

В один из дней скитаний мы наткнулись на погреб. Обычный деревенский погреб, присыпанный землёй, с деревянной крышкой. Внутри — стеллажи, заставленные банками. Солёные огурцы, помидоры, какая-то квашеная капуста, даже компоты — мутные, но сладкие. Элис чуть не расплакалась, когда нашла банку с надписью «Варенье вишнёвое, 2019». Мы пили рассол, хрустели огурцами и благодарили неизвестных бабушек, которые делали запасы на зиму, даже не подозревая, что спасут три неприкаянные души в разгар апокалипсиса.

— Если мы выживем, — проговорила Рори, обсасывая огурец, — я найду эту бабушку и посвящу ей книгу.

— Если выживешь — она уже будет святой, — пробормотала Элис, — или зомби. Варенье, кстати, божественное.

В той же деревне нас настигла стая. Шесть «гнилых» — быстрых, молчаливых. Они появились из-за сарая, когда мы переходили улицу. Я успела крикнуть, и бой начался мгновенно — без прелюдий, без пафосных речей. Топор Рори опустился на голову ближайшего, разрубив её как переспелую тыкву. Я вонзила нож в глазницу второй твари, попутно локтём отбивая чью-то руку. Элис орудовала трубой, как бейсбольной битой, и материлась сквозь зубы — яростно, почти ритмично.

Бой закончился быстро. Трупы лежали кучей, мы стояли над ними, все в крови, грязи и чём-то ещё. Рорри прижимала к груди руку — Повезло.

— Это не везение, — ответила Элис, — это карма. Я слишком сильно люблю Чимина, чтобы лишиться пальца до того, как нарисую его портрет на стене нашего убежища.

Я промолчала. И они были живы. И это всё, что имело значение.

Вечером того же дня, когда мы отсиживались в заброшенном доме, Рори вытащила из кармана мятый блокнот — явно найденный где-то — и огрызок карандаша.

— Ты что делаешь? — спросила я.

— Пишу, — ответила она, не поднимая головы. — То, что вижу. То, что чувствую. Если мы умрём, пусть хоть кто-то найдёт это и узнает, что здесь были не только трусы и мародёры.

— Ты же говорила, что будешь писать на стенах кровью.

— Кровь кончилась, — усмехнулась она, — а карандаш дешёвый, но пишет. Назову это «Хроники трёх идиоток». Первая глава: как мы сожрали все запасы бабушкиного варенья за один присест.

Я фыркнула. И впервые за неделю это было похоже на смех.

Третья и четвёртая недели: склад, стена и мародёры.

К концу второй недели мы наткнулись на промышленную зону. Старые склады, ангары, ржавые контейнеры. Место было мрачное, но стратегически удачное: меньше жилых домов — меньше людей — меньше зомби. Мы выбрали склад на отшибе, с толстыми бетонными стенами, единственным входом, который можно было забаррикадировать, и чердаком, куда вела приставная лестница. Сказать «уютно» — соврать, но после двух недель под открытым небом это был дворец.

Мы провели несколько дней, укрепляясь. Забили окна досками, установили растяжки из найденной проволоки и колокольчиков (старые консервные банки, подвешенные на верёвках), разгребли мусор. В одном из ящиков я нашла настоящий. Он стал моим главным оружием. Элис раздобыла где-то баллончик фиолетовой краски и в первый же вечер нарисовала на стене склада цветок. «Для морального духа», — пояснила она. Я не спорила. Моральный дух — это топливо, даже если он пахнет ацетоном и бредом.

Рори продолжила писать. Главу за главой. Она стояла на ящике и выводила буквы — неровные, но разборчивые. Её «Хроники трёх идиоток» росли. Она читала нам отрывки вслух по вечерам — ироничные, злые, смешные. О том, как мы бежали из аэропорта. О парне с утками. О том, как Элис блевала после первого убийства. О том, как я орала на неё, когда она полезла за краской. Мы смеялись. Да, смеялись — в мире, где смех был почти неприличным.

Однажды ночью, когда Рори дежурила, а Элис спала, я спросила её:

— Зачем ты это делаешь? Серьёзно. Тратишь силы, время.

Она задумалась, глядя на блокнот исписанный словами.

— Потому что, если мы умрём, пусть хоть что-то останется. Не просто трупы, обглоданные кости. А история. Наша история. О том, как мы прошли через ад и не сломались. Это… это моё личное «пошло всё к чёрту». Понимаешь?

Я кивнула. Не уверена, что поняла до конца, но что-то в этом было.

На третьей неделе мы чуть не нарвались на мародёров. Я ходила на разведку к восточным ангарам и увидела их лагерь. Дым костра, несколько палаток, люди в камуфляже — грязные, но не голодные. А на верёвках между ангарами сушилось мясо. Я подошла ближе и пожалела. Это были не животные. Человеческие рёбра, аккуратно развешанные, как бельё. Запах жареного мяса ударил в ноздри, и меня замутило.

Я вернулась на склад белее мела и сказала своим:

— К востоку не ходим. Никогда. Там люди, которые хуже гнилых.

— Что там? — спросила Элис, но, увидев моё лицо, осеклась. — Поняла. Не спрашиваю.

Больше мы туда не совались. Но запах жареного мяса мне снился ещё неделю.

Подытог. Четыре недели.

Четыре недели. Двадцать восемь дней, каждый из которых мог стать последним. Мы выжили не благодаря силе или уму — мы выжили вопреки. Вопреки логике, вопреки статистике, вопреки собственным слабостям. Мы научились не быть мясом. Мы превратились в тех самых тараканов, которые переживут ядерную зиму. И знаете что? Я до сих пор не знаю, благодарить мне за это судьбу или проклинать. Наверное, и то и другое. Как и всё в этом новом мире — двойственно, мутно, с привкусом крови и иронии.

Но раз уж я всё ещё дышу, раз мои девчонки сопят в углу, завернувшись в грязные одеяла, а за стенами воет очередная стая, — посмотрим, куда приведёт нас этот путь. Дальше. Вглубь. Возможно, прямо в пасть к тем, кого мы ещё не научились распознавать. Возможно, к чему-то худшему. А возможно — просто к очередному рассвету. И это уже немало.

В конце концов, живы — и то хорошо. Пока что.

Глава 5. Эволюция голода

Доклад №47 (выжимка). Найден в руинах исследовательского центра, восточный сектор.

Автор: неизвестен, предположительно «объект X-11» (статус: погиб, превращён, ликвидирован — нужное подчеркнуть, если бы было кому подчёркивать).

От автора: то, что мы узнали слишком поздно. Эпитафия человеческой глупости, нацарапанная на обломке ребра.

За два месяца до того, как всё полетело к чертям, я сидел в лаборатории, пил третью кружку растворимого кофе — горького, как желчь, — и смотрел на ампулу с мутной, перламутрово-мерцающей жидкостью. Мы называли это «Материал 0». Пресса — «смертельным гриппом» и «болезнью бешеных». Правительства — «чрезвычайной ситуацией локального значения». Лживые сводки, призывы не поддаваться панике. А через полгода мы назвали это просто — «Штамм Прометея».

Красиво, да? Титан, принёсший людям огонь и прикованный к скале, где орёл жрал его печень. Только наш Прометей принёс пламя, выжигающее личность и оставляющее взамен голод, хитрость и ту самую почти человеческую ухмылку, с которой ваш бывший сосед тянется к вашему уху. Ниже — всё, что мы успели выяснить до того, как военные сожгли кварталы вместе с живыми и мёртвыми, а те, для кого знание стало способом лучше охотиться, сожрали остальное. Читайте. Выводам это уже не поможет.

1. Происхождение: не ракета, а пробирка

Никаких секретных баз, никаких инопланетян. Всё банальнее и оттого омерзительнее. Частный биоинженерный центр (название сгорело вместе с учредителями) пытался создать ретровирус для ускорения нейронных связей. Вакцина от глупости, мать её. Лекарство, которое должно было делать нас умнее. Ирония в том, что оно породило самую страшную форму глупости — голодную и хитрую.

На стадии испытаний вирус мутировал, сцепился с каким-то прионным белком и вместо ускорения начал перестраивать мозг. Выжигать кору, оставляя нетронутыми инстинкты: голод, агрессию и способность к обучению. Первый заражённый — техник, поцарапавшийся о пробирку. Через 48 часов он сожрал лицо коллеги, оставив череп чистым, как гигиенический плакат. Ещё через сутки лаборатория стала филиалом каннибальского фастфуда. Пандемия вспыхнула одновременно в четырёх мегаполисах на разных континентах, а потом распространилась со скоростью лесного пожара по всему миру — кто-то помог вирусу путешествовать. Биотерроризм? Эксперимент, вышедший из-под контроля? Теперь не важно. Важно, что он остался.

2. Характеристики инфицированных: почему мы не называем их «зомби»

Они — не шаркающие идиоты. Это новый вид хищника, и он учится быстрее, чем мы седеем.

Физиология: Живой, но холодный труп. Пульс 40—50, температура на 2—3 градуса ниже нормы. Внутренние органы работают вхолостую, желудок переваривает только свежую плоть. Мозг не мёртв: кора, отвечающая за личность и речь, превращается в серую кашицу, зато подкорка — древняя, звериная — расцветает, как сорняк на могиле.

Интеллект: Запредельный для мертвечины. Они запоминают лица, привычки, уязвимые места. Видят, как вы открываете дверь, — через пять минут пробуют сами. Не получается — отойдут, спрячутся за угол и будут ждать, пока вы выйдете. Знают, что такое засада и терпение.

Речь: Да, они говорят. Набор базовых фраз: «Помогите», «Привет», «Ты вкусный», «Я живой». Голос — то как дешёвый синтезатор, то почти нормальный, с интонацией. Самое страшное — когда из темноты вежливо спрашивают дорогу до метро, а оборачиваешься — стоит женщина без половины лица и улыбается. Дружелюбно. Перед броском.

Повадки: имитируют людей системно. Стоят в очередях за хлебом, чтобы сожрать продавца. Сидят на скамейках, «читают» книги, переворачивая страницы. Женщины качают пустые коляски. Мужчины бреются, срезая лоскуты кожи вместе со щетиной. Цель — подойти ближе, втереться в доверие, заставить моргнуть. Они не жестоки — они просто голодны, как вы в три часа ночи, роющиеся в холодильнике. Привычно и буднично.

Скорость: Спринтеры. Первые 50—100 метров бегут, не чувствуя усталости. Дальше снижают темп, но им хватает и десяти секунд, чтобы догнать того, кто поверил в «я просто спросить».

Облик: почти люди, если не всматриваться. Бледная, землистая кожа, мутные, расширенные зрачки без реакции на свет. За полгода без гигиены начинают гнить: ходячие некрозы с вываливающимися внутренностями и запахом, от которого хочется вырвать собственное обоняние. Самые заметные, но не самые опасные. Самые опасные — те, кто не гниёт.

3. Полгода спустя: расхождение видов

Вирус, насытившись разнообразием, начал эволюционировать. Инфицированные разделились на две стратегии выживания.

Категория 1: Регрессоры (95—98%). Стая

Те, кто променял остатки разума на массу. Интеллект упал до уровня хитрой, голодной собаки. Речь исчезла, остался только многоголосый вой, слышный за километр.

Внешность: Ходячие некрозы. Кожа свисает лоскутами, глаза затянуты бельмом, ногти превратились в когти, волосы выпадают клочьями, зубы стёрты от жевания костей. Запах — гнилое мясо, аммиак и что-то, что не выветривается даже из памяти.

Поведение: Стайное, как у гиен. Тактика проста: «увидел — побежал — схватил — сожрал». Не разбирают, кого жрать: живых, животных, раненых собратьев. Могут открывать двери, бить плечом, заламывать ручки.

Опасность: Предсказуемая, но смертельная массой. Одиночку можно убить выстрелом в голову. Десяток — почти гарантированная смерть. Сотня — стирание поселения с лица земли, как лавина. Это чистильщики нового мира, акулы, идущие на запах крови.

Пути передачи: классика, от которой не уйти. Основной вектор — прямой контакт биологических жидкостей с вашей кровью или слизистыми. Укус — гарантированный билет в один конец: слюна регрессора кишит активными вирионами, концентрация зашкаливает. Царапина их когтями — под которыми гниющая плоть и запёкшаяся кровь предыдущих жертв — тоже

практически приговор, особенно если рана глубокая. Попадание брызг крови или слюны в глаза, рот, на свежую рану — риск около 70%, в зависимости от вашего везения и количества вирусных частиц. Вирус во внешней среде живуч, но не всесилен: на сухих поверхностях дохнет за пару часов — до суток. Поэтому не наступайте в лужи с открытыми порезами и не трите глаза руками, которыми только что добивали регрессора. По воздуху не передаётся — и на том спасибо.

Категория 2: Прогрессоры (2—5%). Кроты

Кошмар параноика. На 10 000 регрессоров — 2—3 таких особи. Высшие хищники, перешедшие на охоту внутри стада.

Внешность: почти идеальное сохранение. Бледная, мраморная кожа, расширенные зрачки, движения излишне плавные, как у кошки. Тело не гниёт — могут годами выглядеть «свежими» при правильной диете на человечинке.

Поведение: Интеграция. Проникают в группы выживших, живут среди них месяцами. Не нападают — ждут, изучают слабые места. Едят обычную пищу, могут имитировать сон, секс, заботу о детях. Могут плакать настоящими слезами и смеяться. Зафиксирован случай: Крот прожил в убежище четыре месяца под видом агронома — помогал, учил, спал с лидером, а после нападения регрессоров вырезал 23 человека за ночь. Сначала отравил, остальных добил ножом. Выжившие слышали, как он разговаривал сам с собой голосами убитых.

Опасность: Абсолютная, невидимая. Против Крота нет оружия, кроме тотальной паранойи. Вы не знаете, кто из ваших друзей, любовников, детей уже не человек. Он может жить с вами год, а потом перерезать горло во сне, и вы ничего не заподозрите до последней секунды. Это не ураган, это радиация — убивает беззвучно, пока вы верите в безопасность.

Пути передачи: здесь сложнее и гаже. Прогрессор — это скрытый резервуар. В обычном состоянии, когда он притворяется человеком, его биологические жидкости (слюна, кровь, сперма, вагинальный секрет) содержат вирус в низкой, почти не детектируемой концентрации. Поцелуй, пользование одной посудой, даже секс — риск минимален, хотя и не нулевой. Природа будто издевается: Крот может годами спать с вами в одной постели, и вы не заразитесь, пока он этого не захочет. Но если он решает вас заразить или если его маскировка ломается (например, от сильного стресса, голода или повреждения), его организм выбрасывает в слюну и кровь ударную дозу вируса. Тогда укус или глубокий порез его ножом с остатками его же крови — стопроцентное превращение. Фактически Прогрессор носит в себе «спусковой крючок» и активирует заразность осознанно. Именно поэтому они так опасны: вы не знаете, когда любовник, друг или «спасённый» ребёнок переключит тумблер из режима «свой» в режим «подать горячее».

4. Эпитафия

Мы готовились к зомби-апокалипсису как к хоррору: запасали консервы, выбирали дробовики. Но никто не готовился к тому, что мертвецы окажутся умнее и начнут эволюционировать прямо у нас на глазах, используя наше же доверие и усталость. Штамм Прометея — это алгоритм. Он перебирает стратегии: тупая орда или хитрый одиночка-паразит.

И знаете, что самое горько-смешное? Мы, живые, проходим через то же самое. Кто-то становится Регрессором — животным, жрущим без мысли. Кто-то — Кротом, манипулятором с улыбкой. А третьи — просто мясо, надеющееся, что завтра придут военные. Вопрос только в том, кем стали вы и кем стал я.

Докладчик: неизвестен. Место: блокпост 7, восточный сектор, руины. Дата: примерно 6 месяцев после начала. Если вы читаете это — меня уже нет. Не верьте никому. Даже себе. Но больше всего не верьте тем, кто улыбается и говорит «всё будет хорошо».

P.S. Если увидите женщину с фиолетовыми волосами — держитесь подальше. Шутка. Или нет. Я перестал понимать разницу.

Глава 6. Полгода спустя. отдельный вид экстрима

Это был один из тех дней, когда Мэл почти поверила, что всё наладилось. Почти — потому что в мире, где мертвецы бегают быстрее живых, глагол «наладилось» звучит как издёвка. Но в их маленьком доме, залатанном досками и молитвами, было тепло, сухо и относительно безопасно. Ровно до того момента, как Рори не вернулась с вылазки вовремя.

Мэл уже собиралась идти за сестрой. Но где-то на задворках мозга уже крутился план поисков, заведомо самоубийственный, но других не было.

— Я жива! Жива! — дверь распахнулась, и в проёме возникла Рори. Вид у неё был такой, будто она лично провела раунд против стаи одичавших кошек и проиграла по очкам. Грязная, на колене — свежая ссадина, в волосах — солома и что-то подозрительно напоминающее засохшую кровь. Но глаза горели тем самым лихорадочным огнём, который означал одно из двух: либо она нашла ящик рамена, либо вляпалась в историю, которая Мэл не понравится.

— Что случилось? — Мэл схватила сестру за плечи, сканируя взглядом. — Укусили? Царапали? Чья это кровь? Отвечай.

— Не моя, — отмахнулась Рори, пытаясь отдышаться. — Ну, то есть моя, но чуть-чуть. Коленка. Я просто врезалась в одного придурка, он испугался, я испугалась, мы чуть не убили друг друга. А потом он сказал, что знает про безопасную зону. Ну, знаешь, что там люди, еда, вода и вообще.

Мэл прищурилась. Чутьё, старая циничная сука, уже подавало сигналы.

— Что значит «врезалась»? Ты его таранила головой?

— Буквально. Я вышла проверить тот магазинчик на углу, помнишь? Захожу за угол, а там он… ну, справляет нужду. С очень сосредоточенным лицом. Я закричала, он закричал, он выхватил нож, я выхватила монтировку, мы замерли, как два идиота в дешёвом вестерне. А потом он опустил глаза вниз, на свой агрегат, потом на мой лом, и говорит: «Ты не зомби». И заржал.

Мэл закрыла глаза и медленно сосчитала до десяти. Мысленно. Потому что вслух — это был бы мат такой концентрации, что даже мертвецы бы покраснели.

— Стоит, — продолжила Рори, явно наслаждаясь эффектом, — штаны на коленях, в одной руке член, в другой нож. И ржёт. Как конь. Говорит: «Ты похожа на очень злого хомяка с монтировкой». А потом, — она драматически выдержала паузу, — предложил познакомиться.

— Ты привела в наш дом мужика, которого встретила в момент, когда он ссал? — медленно, по слогам, произнесла Мэл. — Это твой вклад в безопасность группы? Ты понимаешь, что он может быть кем угодно? Кротом, который просто выжидает момент? Или просто психом, который коллекционирует скальпы выживших?

— Он нормальный, — Рори закатила глаза. — У него даже имя смешное — Зак! Ну какой Крот может быть Заком? Крота бы звали как-нибудь… Эдмунд. Или Саймон. И он бы носил водолазку. А этот в драной футболке с надписью «Beach Please» и с подбитым глазом.

— Зак, — повторила Мэл тоном человека, который только что узнал, что следующий уровень ада оборудован шезлонгами. — И где он сейчас?

— За воротами. Ждёт. Сказал, что не хочет нарываться на группу истеричек. Его слова, не мои.

— Истеричек? — Мэл подавила желание выйти и продемонстрировать, насколько она не истеричка с помощью охотничьего ножа.

— Ну, он просто не знает тебя. Пока. Познакомится — поймёт, что ты не истеричка, а холодная, расчётливая машина для убийства. Это же комплимент, правда?

— Ладно, — Мэл шумно выдохнула. — Зови своего Зака. Но если он окажется Кротом — клянусь, я скормлю тебя Регрессорам лично. По частям. Начиная с той коленки, на которой ты заработала эту ссадину.

— Договорились! — Рори уже неслась к воротам.

Зак вошёл в их жизнь с той же грацией, с какой слон входит в посудную лавку — громко, необратимо и с кучей осколков.

Внешне он был как оживший призрак прошлой, сытой жизни — той, где люди ходили в спортзал не для того, чтобы убегать от мертвецов. Квадратная челюсть, голубые глаза, наглая улыбка, которая появлялась быстрее, чем Мэл успевала вспомнить, куда положила нож. Щетина трёхдневной давности, которая на нём смотрелась не как признак апокалипсиса, а как модный выбор. И подбитый глаз — единственное, что портило картинку, превращая глянцевого красавчика в глянцевого красавчика, который кому-то крупно задолжал.

— Ну привет, выжившие, — сказал он, оглядывая их убежище с видом риэлтора, оценивающего перспективный объект. — Уютно. Пахнет деревом и лёгким отчаянием. А можно мне в душ? Горячий ужин? И чтобы без попыток убить? Хотя бы первые полчаса, дальше — по обстановке.

— А можно тебя послать? — Мэл скрестила руки на груди в позе «старшая сестра, которая сейчас будет решать, жить тебе или нет».

— Уже интереснее, — Зак ухмыльнулся ещё шире, если это вообще было возможно. — А ты, видимо, та самая легендарная Мэл, которая тут всех за яйца держит. Рори много о тебе рассказывала.

— Обо мне? — Мэл медленно повернулась к сестре, и Рори сделала шаг назад, инстинктивно прикрывая горло.

— Ну… немного. Что ты злая, недоверчивая и спишь с ножом. И что, если бы Регрессоры умели бояться, они бы боялись тебя больше, чем ты их.

— Чистая правда, — кивнул Зак. — Нож под подушкой — это я уважаю. Моя бывшая прятала нож в кухонном ящике. Итог предсказуем.

— Её съели? — мрачно спросила Мэл.

— Не, она сбежала с торговцем консервами за неделю до вспышки. А нож остался. Ржавый, тупой — как её совесть. Кстати, меня Зак зовут. Можно просто Зак, можно «эй ты, красавчик», можно «Господи, опять ты». Я отзываюсь на всё, кроме «эй, мудак». На «мудака» я обижаюсь.

Мэл не знала, плакать ей или смеяться. Внутренний детектор паранойи, молчал. Кроты не ведут себя как гиперактивные щенки, дорвавшиеся до компании. Кроты сливаются с фоном, а не привлекают внимание громче сирены воздушной тревоги.

— Ладно, — выдохнула она в третий раз. — Душ — в ведре за домом. Горячей воды нет, извините, бойлер сдох. Еда — на кухне, остатки вчерашней похлёбки, которую Элис почему-то называет рагу. И если ты сделаешь хоть одно резкое движение, которое мне не понравится — я не буду задавать вопросы. Понял?

— Понял, — Зак поднял руки в шутливом жесте капитуляции. — Никаких резких движений. Только плавные, гипнотические, от которых ты не сможешь оторвать взгляд.

— Ты сейчас договоришься.

— Уже молчу.

Он не молчал. Он не молчал ни секунды.

К Элис у Зака обнаружилось странное, почти противоестественное чувство. Мэл заметила это на третий день, когда застала его сидящим на ящике и наблюдающим, как Элис раскрашивает стену углём и разведённой водой — что-то абстрактное, с элементами цветов и, кажется, корейских иероглифов.

— Она ненормальная, — сказал Зак Мэл, не отрывая взгляда. — Клинически. Я серьёзно. Я боюсь её.

— Я тоже, — призналась Мэл, присаживаясь рядом. — Но она безобидна. В основном.

— Безобидна?! — Зак фыркнул. — Вчера она сказала мне, что, если я ещё раз назову её коллекцию пустых банок «мусором», она нарисует мой портрет в стиле «внутренние органы наружу». И я не уверен, что это была шутка. Она как фея с бензопилой: милая, с блёстками, но, если разозлить — полетят головы. И она будет смеяться. Вот что самое страшное — она будет смеяться, пока пилит.

— Ты влюбился, — констатировала Мэл.

— В неё?! — Зак поперхнулся. — У меня инстинкт самосохранения пока функционирует. Я влюбиться в неё не могу. Это было бы извращением. Она же… она… она на полном серьёзе верит, что где-то в Корее её ждёт парень из айдол-группы! И спит с его фоткой под подушкой! Я проверял, — добавил он чуть тише, заметив взгляд Мэл. — Чисто из соображе-

ний безопасности. Искал оружие. Нашёл только картонку с надписью «Чимин». Три штуки. Разного размера.

— Ты рылся в её вещах?

— Я рылся во всех вещах. Я новый человек в группе, должен знать, с кем имею дело. У тебя, кстати, под матрасом нож и книга «Выживание в дикой природе». У Рори — блокнот с рукописью и три банки персикового компота, которые она прячет от всех. Я не осуждаю, компот реально вкусный.

Мэл смотрела на него, не зная, убить или повысить до главы разведки.

— Ты невозможен, — сказала она наконец.

— Я знаю. Я нравлюсь себе такой.

С Мэл отношения у Зака не заладились с первой минуты и продолжали не ладиться с завидным постоянством. Они цапались по любому поводу: маршруты вылазок (Зак предлагал рискованные, но быстрые; Мэл — безопасные, но долгие), укрепление ворот (Зак хотел использовать найденный профнастил, Мэл считала, что он слишком громкий и привлечёт внимание), даже способ заваривания крапивы (Зак утверждал, что надо настаивать дольше, Мэл говорила — нечего ждать, пока она превратится в болотную жижу). Спорили до хрипоты, до зубовного скрежета, до того, что Рори однажды предложила запереть их в одной комнате, пока не убьют друг друга или не переспят.

— Ни за что, — в один голос ответили оба.

Спустя пару дней, «Феникс» — его основали выжившие, у которых хватило ума не сидеть на месте. Название, говорящее: возродиться из пепла. Вот только пепла было столько, что хоть мешками собирай.

Убежище располагалось на территории бывшей промзоны: несколько уцелевших ангаров, складские помещения, бывшая административная постройка. Всё это обнесли стеной из контейнеров, ржавых листов профнастила и мешков с землёй. Смотрелось уродливо, но работало. Внутри — огороды, разбитые прямо на бетоне (землю таскали вёдрами с окраин), колодец (настоящий, с почти чистой водой — Зак лично нашёл и помог обустроить), кухня под открытым небом и несколько жилых помещений, где ютились около сорока человек. Мужчины, женщины, дети. Всех возрастов, всех профессий: бывший бухгалтер теперь рубил дрова, бывшая парикмахер перевязывала раны, бывший школьный учитель учил детей читать.

Правила были просты, и такие же несгибаемые.

Первое: каждый работает. Мужчины — на укреплениях, в вылазках. Женщины — готовят, растят скудный урожай, шьют, лечат. Дети собирают дождевую воду, сортируют хлам, учатся не шуметь и быстро бегать. Второе: не вернулся с вылазки — не ищут. Никогда. Никого. Даже если там твой брат, муж, любовь всей жизни. Потому что поиски — это риск для остальных, а рисковать всей группой ради одного — дерьмовая математика. Третье: совет старейшин. Зак втёрся туда быстро, Мэл — через месяц, когда её система укреплений спасла всех от ночного набега Регрессоров. Четвёртое, нерушимое: детей не трогают. Даже если плачут. Даже если их крик привлекает тварей. Потому что дети — единственное, ради чего это всё.

Мэл вписалась в эту реальность. Она не стала мягче — мягкость каралась смертью. Но научилась доверять: выборочно, по чайной ложке. Разрабатывала ловушки, часами просиживала над картами местности, планируя маршруты. Спала по четыре часа, ела что дадут, и, кажется, забыла, когда в последний раз плакала. Наверное, ещё в том доме, в первую неделю, когда думала, что не вывезет. Вывезла же.

Рори изменилась. Долго принимала эту грёбаную реальность, отказывалась верить. А потом — приняла. Научилась ставить силки (трижды ловила собственную ногу), отличать съедобные грибы от «потом пожалеешь». Однажды Мэл притащила с вылазки два тома её книг — потрёпанных, залитых чем-то бурым, но настоящих — и потребовала автограф. Рори расплакалась и засмеялась одновременно, а потом села и начала писать третий том — от руки, огрызком карандаша. О ведьмах, которые выживают в конце света. Теперь это была не фантазия.

Элис жила одним днём. Каждый — как последний. Ярко, громко. Красила волосы краской, которую Зак добыл в брошенном салоне (ворча, что его послали за «стратегическим ресурсом»). Учила детей рисовать абстракции на стенах и тайком скармливала им сладкое, найденное неизвестно где. Взрослые считали её безумной, но любили. Потому что её безумие было заразительным — как вакцина от отчаяния.

Адам появился через три месяца после них. Высокий, темноволосый, с глазами цвета оружейной стали и взглядом, от которого женщины забывали, зачем вообще выживать, если можно просто смотреть. Он был священником. Настоящим. С крестом, с тихим голосом, который успокаивал лучше любого транквилизатора. И, в отличие от большинства красавчиков в этом аду, не пытался никого убить.

Зак не верил ему с первой секунды, окрестив «сектантом» и предрекая скорые оргии с жертвоприношениями. Мэл разделяла его скепсис: слишком хорош, слишком спокоен, слишком… чистый для этого дерьма. Элис же начала ходить в молитвенный уголок — бывшую кладовую, где Адам поставил крест и старую икону. Сначала просто сидеть, потом — исповедоваться, потом — задерживаться всё дольше. Рори первая заподозрила неладное, когда застукала подругу выходящей оттуда с растрёпанными волосами, красными щеками и сбитым дыханием.

— Ты там не молилась, — резюмировала Рори.

— Молилась, — Элис невозмутимо поправила прядь. — Очень горячо. Он слушал, сопереживал, а потом сказал, что мои грехи такие тяжёлые, что их нужно отпускать всем телом. Крест, кстати, очень острый. Я чуть спину не поранила.

Мэл, узнав, закрыла глаза и произнесла фразу, ставшую девизом их группы: «Не надо трахаться в апокалипсисе. Особенно со священниками, которые выглядят как чёртовы супермодели». Но Элис уже было не остановить.

Поход в аптеку, который Мэл запомнила надолго, случился совсем по-другому, куда более прозаичному поводу. Элис нужны были средства женской гигиены: «Я не собираюсь в конце света подтираться старыми газетами. Прокладки кончились, Зак не нашёл, хотя обыскал три аптеки».

В аптеке они умудрились найти нужное — чудо, не иначе. Но на выходе их ждали Регрессоры. Двое. Сперва рычание, от которого кровь стынет, потом — бег сквозь лес, ручей, поле.

Элис летела за Мэл, прижимая к груди рюкзак с добычей, и Мэл бежала, матеря про себя всё на свете: идиотку-подругу, священника-соблазнителя, апокалипсис, который превратил их жизнь в бесконечный фильм ужасов с элементами ситкома. У самых ворот «Феникса» Зак с ружьём втянул их внутрь, тяжело дыша, а потом долго смотрел на упаковку, извлечённую Элис, и осознавал, ради чего они чуть не погибли.

— Серьезно, — только и выдавил он. — Вы рисковали жизнью ради… Я даже не знаю, восхищаться или пристрелить вас обеих.

— Ой, не начинай. — усмехнулась Элис, чмокая его в щёку.

Мэл вытерла кровь с разбитой коленки и криво усмехнулась. Пожалуй, в этом была вся их новая жизнь: безумная, иррациональная, на волосок от смерти — но всё ещё жизнь. Со всеми её дурацкими желаниями, странными союзами и смехом, который прорывался даже тогда, когда за стеной рычали мёртвые.

Глава 7. Дом, который построил ад.

Один год, две недели и три дня после начала апокалипсиса. Убежище «Феникс». Бывшая промзона, превращённая в оазис отчаяния и надежды.

Мэл саму себя поражала. Не тем, что выжила — это уже перестало быть достижением, став привычкой. Она поражалась тому, что этот грязный, пропитанный гарью, цементной пылью, ржавчиной и коллективным потом кусок бывшей промышленной зоны она теперь мысленно называла словом, которое в прошлой жизни значило так много, а сейчас — всё.

Дом.

«Феникс» разросся. За год — почти год, без пары недель — из хаотичного навала контейнеров, досок, шифера и отчаяния он превратился в нечто, отдалённо напоминающее человеческое жильё. Не квартиру в ЖК бизнес-класса, нет. Скорее, лофт для сумасшедших художников, у которых вместо красок — кровь, а вместо холстов — листы ржавого железа.

Когда совет — тогда ещё состоявший из пятёрки перепуганных, но отчаянно амбициозных идиотов — впервые предложил разбить пространство на «комнаты», Мэл подумала, что они спятили. Какие, к чёрту, комнаты в конце света? Ты либо жив, либо мёртв. Либо ты в убежище, либо ты в желудке у Регрессора. Промежуточные опции вроде «мой личный угол с видом на руины» не предусматривались сценарием.

Но оказалось, что перегородки из старых дверей, листов фанеры, строительной сетки и кусков ткани творят чудеса, не уступающие пяти сеансам психотерапии. Терапия ширмой, медицина занавеской. У каждого взрослого появился свой закуток. Койка — матрас. Самодельная тумбочка из ящика для овощей. У некоторых счастливчиков — стулья.

Общие пространства разрастались, как грибы после радиоактивного дождя. Кухня — с плиткой на две конфорки: одна работала от газа в баллоне, который меняли раз в месяц с риском для жизни, вторая — от солнечной батареи и давала ровно столько тепла, чтобы вскипятить кружку воды за полчаса. «Гостиная» — диваны, найденные в уцелевшем мебельном магазине во время одной из вылазок. Обивка выцвела до состояния «непонятно какого цвета. Самодельный стол для настольных игр: кто-то спас из руин «Монополию», и теперь это было самым жестоким развлечением в лагере. Люди, пережившие конец света, сражались за виртуальную недвижимость с таким остервенением, будто от этого зависела их реальная жизнь. Мэл подозревала, что они проецируют: если уж в игре можно купить Парк-Лейн, то, может, и в реальности всё не так уж плохо.

Душ — отдельная гордость Зака, его личный вклад в цивилизацию, его «Сикстинская капелла» из поликарбоната. Кабинка, собранная из обломков теплиц, нагреватель от старого бойлера, работающий от солнечных батарей, но вода была тёплой. Целых три минуты тёплой воды раз в три дня. Мэл до сих пор считала это главным достижением человечества со времён изобретения колеса.

Солнечные батареи собирали по частям, как пазл, который никто не покупал, но все надеялись сложить. Их монтировали на крыше, каждый раз молясь — атеисты скрещивали пальцы, верующие шептали «Отче наш», — чтобы хватило кабеля.

— Выглядит как лофт, — сказала как-то Элис, окидывая взглядом их творение. Она стояла, уперев руки в боки, и выглядела как недовольный дизайнер интерьеров, которого клиент заставил работать с бюджетом в три копейки. — Постапокалиптический лофт. Если бы какой-нибудь архитектор из прошлой жизни это увидел, он бы обоссался от восторга. Или от ужаса. Я не уверена.

— Или от того и другого одновременно, — добавил Зак. — У нас есть стены, крыша над головой и душ, где вода реально греется. Я два месяца назад мылся в ручье. При температуре чуть выше нуля по Цельсию. И меня чуть не сожрал Регрессор, когда я вылезал голый, бледный, похожий на перепуганного червя. С тех пор душ — моя религия. Я готов молиться на него. Адам, ты не хочешь освятить душевую кабинку?

— Ты невыносим, — беззлобно ответил Адам, проходя мимо с книгой в руке.

— Это мне говорят все женщины, с которыми я переставал спать, — ухмыльнулся Зак.

— Когда ты с кем-то спал в этом лагере? — спросила Мэл, не отрываясь от заточки ножа.

— Это моя тайна. Или тайна Элис. Не спрашивай, не унижайся.

— Я не сплю с Заком, — фыркнула Элис из кухни, помешивая что-то в кастрюле, что по запаху напоминало суп из ничего. — У меня есть священник. А это, знаешь ли, уровень выше.

— Священники не считаются, — парировал Зак. — Это профдеформация. Когда человек привык исповедовать чужие грехи, он и свои не боится совершать.

Адам, не оборачиваясь, улыбнулся. Мэл заметила краем глаза эту улыбку — тёплую, чуть грустную, с каким-то надломом. «Слишком правильная улыбка, — подумала она в который раз. — Слишком человеческая для того, кто каждый день видит, как его паства тает на глазах».

Дети бегали по коридорам — настоящим коридорам, будто они не в бункере, а в общежитии для талантливых, но бедных студентов, — с криками и смехом. В «Фениксе» было семеро детей от четырёх до двенадцати лет. Они уже не помнили нормальной жизни. Для них апокалипсис был нормой. Регрессоры, вылазки за едой, смерть по ночам — всё это такая же часть реальности, как для детей прошлого — мультики по субботам и мороженое в парке. Мэл старалась не думать о том, что будет с ними через десять лет, когда они станут подростками — злыми, гормональными, вооружёнными ножами. Если, конечно, доживут. Она заставляла себя думать только о завтрашнем дне. Потому что, если начать думать о послезавтрашнем, можно сойти с ума прямо сейчас.

Людей становилось то больше, то меньше. Текучка кадров в аду была бешеной.

Кто-то уходил сам — в лучший мир или просто в лес, не выдержав постоянного напряжения, чужого храпа по ночам и одного и того же меню. Таких называли «добровольцами». Их не искали. Их вычёркивали из списков, и совет делал вид, что их не существовало.

Кто-то погибал на вылазках. «Риск — благородное дело» было девизом Зака, который откалывался ровно до тех пор, пока не приходилось нести тело товарища к импровизирован-

ному склепу за стеной. Тогда он мрачнел, пил самогон из своего тайного запаса и ни с кем не разговаривал сутки.

Кто-то умирал от болезней, которые в прошлой жизни лечились, а в этой становились приговором — аппендицит, заражение крови, пневмония. Антибиотики кончались, новые найти не могли, потому что аптеки разграбили ещё в первые месяца, а оставшееся добро спёрли мародёры. Лечили травами, заговорами и «авось пройдёт». «Авось» проходило редко.

К концу первого года в «Фениксе» насчитывалось тридцать человек. Тридцать живых душ, которые научились сосуществовать, не перегрызая друг другу глотки. В основном. Были скандалы, драки, кражи — виновников нашли и выставили за ворота ночью, через три дня нашли его останки в километре от убежища. Были романы, разрывы, измены, примирения. Люди оставались людьми даже в аду. Особенно в аду.

Смерть ходила рядом. Всегда. Она не сидела на крыше, как думали романтики. Она жила под кроватью, скреблась в ворота по ночам, дышала в затылок, когда ты шёл за водой к ручью. Она была такой же частью пейзажа, как закат или дождь. Но они научились жить с ней в одной комнате. Не дружить — это невозможно. Просто принимать как данность. Как погоду. «Сегодня дождь», «сегодня умер Гарри». «Завтра будет солнце», «завтра, возможно, никто не умрёт». Такая вот метеорология конца света.

Рори и Зак эти двое были самой странной парой в лагере. Если их вообще можно было назвать парой в каком-либо из известных человечеству смыслов.

Между ними не было романтики. Ни намёка. Ни взглядов украдкой, ни случайных прикосновений, ни нервного смеха, ни ревности, ни ссор из-за «ты опять посмотрел не туда». Они общались как люди, которые прожили вместе сорок лет, давно потеряли всякий сексуальный интерес друг к другу, но им безумно интересно просто сидеть рядом и говорить. О чём угодно. О погоде, о еде, о книгах, о том, какой идиот этот Зак и какая упрямая эта Рори.

Зак, вечно саркастичный, колкий, с улыбкой, которая могла бы продаваться как оружие массового поражения, рядом с Рори становился… мягче. Не тише — он никогда не умолкал. Но мягче. Как будто позволял себе снимать броню, которую не снимал не перед кем.

— Ты видел, какая сегодня луна? — спрашивала Рори, когда Зак возвращался с ночного дежурства. Она сидела у входа, кутаясь в плед, и смотрела в небо.

— Ага, — зевал тот, падая рядом на ящик. — Жёлтая. Как сыр. Который мы не едим, потому что сыра нет. Сыр кончился где-то на четвёртом месяце. Я помню тот день. Плакал, когда доедали последний кусок «Пармезана». Срок годности истёк, но он был вкусным. Как символ лучших времён.

Она улыбнулась.

Рори писала. Третий том «Ведьм» продвигался медленно, как тектонические плиты. Она переписывала каждую главу по три раза, потому что старые сюжетные ходы казались ей наивными до тошноты.

Зак был её первым читателем. Он сидел рядом — иногда на её койке, иногда на ящике, иногда прямо на полу, поджав ноги по-турецки, — и комментировал: «Эта фраза слишком

пафосная», «Здесь ты про секс, а они бы не успели», — а иногда просто молчал и этого было достаточно.

Их дружба была той редкой формой, которую в прошлой жизни называли «кармической». Будто они знали друг друга очень давно — может, в другой жизни, может, во сне, может, в книге Рори. Просто встретились в неподходящее время в неподходящем месте и поняли: «О, это мой человек». Просто. Тепло. Надёжно.

Мэл иногда завидовала им. Не романтике — её у неё не было и не предвиделось особенно в этом мире. А этой лёгкости. Этому «своему миру», в который никто не вхож, кроме них двоих. Этому умению просто быть рядом, не требуя ничего, кроме тишины и пары слов.

— У тебя есть кто-то такой? — спросила она как-то у Элиса.

— Ты, — ответила Элис не задумываясь. — Ты мой человек. Только ты слишком много ругаешься.

А Элис продолжала то, что продолжала. Со священником.

Их роман — если эту гормонально-мистическую вакханалию можно было назвать романом, а не «грехопадением в квадрате» по версии старушки Марты — стал главной сплетней лагеря. Обсуждали его на всех уровнях, от детского сада до совета старейшин, где тема «Адам трахает Элис» поднималась исключительно в контексте «не отвлекается ли он от своих прямых обязанностей — молиться ли за наши грехи?».

Старушка Марта, пережившая два инфаркта и потерю мужа в первые дни, крестилась при виде Адама и шептала:

— Греховодник. Греховодник, а туда же — в рясе. Господь накажет.

— Марта, — терпеливо объясняла ей Мэл, — Господь, если он и был, наказал нас всех уже на первом месяце. Дальше только наши собственные грехи. И Элис с Адамом тут — меньшее из зол.

— Не кощунствуй, девонька, — обижалась Марта. — Господь испытывает нас. А этот… этот пользуется. Соблазняет паству.

— Паства сама себя соблазнила, — отвечала Мэл. — Элис всегда была такой. Просто раньше у неё были корейские айдолы, а теперь — живой мужчина. Я не вижу проблемы.

— Ты не видишь, потому что ты безбожница, — вздыхала Марта и уходила мастерить очередные чётки.

Молодые девушки завидовали. Завидовали Элис с её внешним видом, её безумной улыбкой и тем, как Адам смотрит на неё — будто она не просто женщина, а воплощение какого-то тайного знания. Мужчины пожимали плечами. Им было не до того. У них были свои заботы: стены, оружие, вылазки, риск умереть каждую минуту. Секс со священником? Пожалуйста, хоть с папой римским, если это не мешает нести мешки с цементом.

Адам не скрывался. Он не проповедовал, не читал нотации, не пытался никого обратить. Он просто был. Высокий, темноволосый, с глазами цвета стали, которые смотрели сквозь тебя, но при этом — тепло. Как будто он видел не твоё тело, не твою одежду, не твою грязь, а твою душу. И, чёрт возьми, что-то там находил. Даже в Мэл, которая была уверена, что её душа давно превратилась в ржавый гвоздь.

— Ты не боишься, что он тебя убьёт во сне? — спросила как-то Мэл у Элис, когда та вернулась из молитвенной комнаты с синяками на шее и растрёпанной косой.

— Убьёт? — удивилась Элис, поправляя выбившуюся прядь. — Зачем? Ему же хорошо со мной. И мне с ним. Это единственное, что осталось от старой жизни — хороший секс.

— И ты не думаешь, что он может быть… ну… — Мэл понизила голос, — Кротом?

— А если и Крот? — Элис пожала плечами. — Тогда он самый сексуальный Крот из всех возможных. И если он меня убьёт, то хотя бы с улыбкой. Это больше, чем я могу сказать о большинстве бывших.

— Ты неисправима.

Элис хитро прищурилась. — Может, тебе тоже стоит найти кого-нибудь? Расслабиться? Зак, кстати, свободен. Я проверяла.

— С Заком? — Мэл скрестила руки на груди. — Ты совсем с ума сошла? Мы как кошка с собакой. Он меня бесит. Я его бешу. Если мы попробуем заняться сексом, то либо убьём друг друга, либо сожжём лагерь.

— А это уже сюжет для романа Рори, — мечтательно протянула Элис. — Вражда, переходящая в страсть. Апокалиптическая романтика.

— В апокалиптической романтике выживают только идиоты, — отрезала Мэл. — Я уже год не умираю. Не хочу начинать из-за того, что трахнула не того парня.

— Ты уже год не умираешь, — заметила Элис. — Может, пора начать жить?

Мэл не ответила.

Адам вызывал у Мэл подозрения с первого дня. Не потому, что он делал что-то неправильно — наоборот, он был идеален. Слишком идеален для этого мира, где от идеальности остались только сломанные ногти, грязные волосы и запах пота, который не выветривается, даже если мыться три раза в день.

Он говорил тихо, но его было слышно даже в самом дальнем углу комнаты. Он двигался плавно, без лишних жестов, как человек, который привык, что каждое его движение оценивают. Он никогда не повышал голос, никогда не спорил, никогда не вступал в конфликты. Даже когда Зак отпускал свои саркастичные шуточки про «священника, который трахает свою паству», Адам только улыбался и отвечал: «Господь испытывает нас, Зак. Ты — моё испытание».

— Он похож на Крота, — сказала Мэл Заку однажды вечером, когда они остались у костра вдвоём. — Помнишь тот доклад, который мы нашли в исследовательском центре? «Прогрессоры. Кроты». Они маскируются под людей. Живут среди нас месяцами. А потом убивают. По одному. Изнутри.

— Помню, — Зак почесал затылок. В свете костра его квадратная челюсть отбрасывала тень, делая его похожим на ожившую статую. — Я тогда ещё подумал: «А вот этот Адам — точь-в-точь». Но, чёрт возьми, он уже почти полгода с нами. Если он Крот, то самый терпеливый Крот в мире. Или самый голодный? Не знаю, как там у них с аппетитом.

— Они выжидают. Доклад говорил: месяцами. Пока группа не ослабнет. Не начнутся конфликты. Не кончится еда.

— Так у нас пока не кончилась. И конфликты — минимальные. И еду мы добываем регулярно. Если он ждёт момента, то может не дождаться вообще. Или мы все умрём от старости раньше, чем он решит напасть.

— Старости в апокалипсисе не существует, — мрачно сказала Мэл. — Есть только два состояния: живой и мёртвый. И переход между ними занимает секунды.

— Ты параноик, Мэл — Зак хлопнул её по плечу. — Я тебя люблю за это, но иногда надо верить людям. Адам дал нам надежду. Даже если она фальшивая. Даже если он сам фальшивый. Люди хотят верить. И он даёт им эту возможность.

Он не был Кротом. Мэл почти убедила себя в этом. Но мысленно до сих пор прокручивала версию, что он не тот, кем кажется. Каждый мог притвориться человеком веры. Особенно в мире, где вера — это товар, который можно продать. Особенно когда ты, красив, харизматичен, умеешь слушать и никогда не осуждаешь. Особенно когда от тебя пахнет не гнилью, а ладаном — откуда у него ладан? — вопрос, который Мэл задавала себе каждую неделю.

Но многие в лагере нуждались в нём. Старушка Марта, потерявшая мужа и сына, каждое воскресенье приходила к Адаму «на исповедь» — рассказывать о том, как ей снятся покойники, и просить, чтобы он помолился за их души. Девочка Лена, двенадцатилетняя сирота, найденная в руинах под телом матери, которую Адам научил не бояться темноты, просто сказав: «Темнота — это не враг. Это просто свет, который ещё не зажгли». Глупая фраза, но Лена перестала кричать по ночам. Даже Зак иногда заходил в молитвенную комнату — не молиться, а просто посидеть в тишине. «Там спокойно, — говорил он. — Как в библиотеке. Только без книг и с одним мужиком, который умеет молчать».

Бог оставил это место. Вопрос стоял в том, нужен ли его посланник. Оказалось — многим нужен. Может, не как священник, а как психолог. Как человек, который слушает, не перебивая. Как стена, в которую можно кричать, и тебе не ответят осуждением. Как напоминание о том, что даже здесь, в аду, есть место для чего-то, кроме животного выживания.

Сама Мэл не была набожна ни на йоту. Она видела слишком много смертей, слишком много страданий, слишком много несправедливости, чтобы верить в доброго старичка на облаке, который всё это допустил. Если бог и существовал, он либо сдох в первые дни апокалипсиса от стыда, либо ему было насрать. Третьего не дано.

Но она не мешала другим. В конце концов, если иллюзия помогает не сойти с ума — пусть будет. А если Адам — Крот? Тогда они умрут. Но умрут не сразу. И, возможно, даже не все. Мэл готовилась к худшему. Она всегда готовилась к худшему. Это помогало ей выживать.

Всё в лагере работало как механизм. Не идеальный, со скрипом, с поломками, с дымом из перегретых деталей, но работало.

Дежурства. Кто-то готовил — еда была простая, повторяющаяся изо дня в день. Кто-то чинил стены — заделывал прорехи в контейнерах, укреплял забор колючей проволокой, которую отдирали с ближайшей военной базы. Кто-то учил детей — читать, писать, считать, а главное — быстро бегать и не шуметь.

Вылазки. Два-три раза в неделю, группы по три-пять человек.

Потери. За год из сорока пяти человек, прошедших через «Феникс», осталось тридцать. Пятнадцать ушли навсегда. Четверо не вернулись с вылазок — их не искали. Пятеро умерли от болезней. Трое исчезли в ночи и больше их никто не видел. Один сошёл с ума и пытался открыть ворота ночью, привлекая Регрессоров — его пришлось утихомирить навсегда. Это сделал Зак. Он потом не разговаривал пару дней. Ещё двое погибли в стычке с мародёрами, которые нашли убежище и попытались ограбить. Мародёров убили, но своих уже не вернуть.

Потери были. Потери будут. Это часть нового мира. Не привыкаешь — просто учишься жить с этим. Как с хронической болью. Как с шумом в ушах после взрыва.

Единственное, что хромало — и не просто хромало, а ползало на брюхе, обливаясь кровью, — это оружие.

— У нас есть два охотничьих ружья, один карабин с погнутым прицелом, который бьёт левее и выше на целых полметра, три травматических пистолета, которые против Регрессоров бесполезны, если только стрелять в глаза с расстояния вытянутой руки, и ножи, — перечислял Зак на очередном совете, загибая пальцы. — Всё. Патронов — на три вылазки, если стрелять экономно, по одному на брата. А навыки стрельбы… — он красноречиво замолчал.

— Мы видели, — кивнула Мэл. — В прошлый раз, когда Марфа пыталась стрелять в банку, она чуть не попала в Адама. Адам сказал: «Господь спас меня». Зак ответил: «Господь тут ни при чём, это вы просто не умеете целиться».

— Я был груб, — признал Зак. — Но прав. Мы не умеем стрелять. Совсем не умеем. Десять человек из тридцати хотя бы раз в жизни держали оружие — но это было десять лет назад, они забыли всё. А автоматов у нас нет. Есть только мы, наши трясущиеся руки и надежда, что если попадём — то в голову.

Он не преувеличивал. Люди учились стрелять с нуля. Кто-то держал ружьё как удочку — приклад к плечу, но не прижимая, дуло вниз, палец на спусковом крючке с самого начала. Кто-то закрывал глаза в момент выстрела и потом искренне удивлялся, почему пуля ушла в молоко. Кто-то забывал снять с предохранителя. Кто-то боялся даже прикоснуться к оружию, потому что «это опасно, вдруг выстрелит само».

— Может, нам нужен кто-то, кто умеет стрелять по-настоящему, — сказала Мэл. — Профессионал. Военный. Полицейский. Снайпер. Кто угодно с опытом.

— Их всех съели в первые недели, — мрачно заметил кто-то из совета. — Или они ушли и организовали свои убежища. Или они теперь сами — те, от кого мы бегаем.

— Так что? — спросила Мэл. — Не пытаться? Мы умрём без оружия. Рано или поздно. На нас нападут. Не Регрессоры. Нападут люди. Люди страшнее мёртвых. Они тоже хотят есть, пить, иметь оружие, власть. И у них, может быть, есть патроны. И навыки.

Вопрос остался открытым. Учили — как могли, на голом энтузиазме. Результаты были ниже ожидаемых. Ниже плинтуса. Ниже уровня земли. Но лучше, чем ничего. Хоть какой-то шанс, что в критический момент кто-то попадёт, а не промажет.

— Если бы у нас было больше времени и патронов, — вздохнул Зак, закрывая совещание. — Но времени нет. Патронов тоже. Есть только мы, наши трясущиеся руки и надежда, что те, кто к нам придёт, будут стрелять ещё хуже.

Она встала и пошла готовиться к следующей вылазке. Завтра нужно было искать антибиотики. Кто-то кашлял уже третью неделю. И если не найти лекарство, он может умереть. Ещё один. Ещё одна потеря.

Но это будет завтра.

И Мэл. Которая, чёрт возьми, наконец-то выдохнула.

Позволила себе на секунду почувствовать, что этот дом — настоящий. Что эти стены — не просто железо и бетон. Что эти люди — не просто попутчики в аду. Что они — семья. Странная, сломанная, неполная, но семья.

«Дом, который построил ад, — подумала Мэл, закрывая дверь своей комнаты. — Ничья. И наша. Одновременно».

Глава 8. День, когда всё пошло не так

Окрестности «Феникса». Раннее утро, которое обещало быть дерьмовым с самой первой минуты.

В «Фениксе» не было будильников. Их с блеском заменял Зак — этот ходячий сарказм, — который ровно в шесть утра орал на весь лагерь так, что просыпались даже мёртвые за периметром: «Подъём, ёжики! Регрессоры уже завтракают, а вы всё дрыхнете, как младенцы в люльке! Шевелите булками, пока эти булки не стали чьим-то обедом!» Иногда, для разнообразия, он добавлял что-то про «размороженные котлеты» и «просроченный оптимизм», отчего старушка Марта плевалась и крестилась, а дети ржали в голос. Мэл ненавидела этот ор, но признавала: лучше, чем быть сожранной во сне, потому что проспал утреннюю смену караула.

Конкретно это утро началось с того, что Мэл, ещё толком не разлепив глаз, наступила ногой в лужу чужой мочи. Кто-то из мужиков обоссал угол в общем коридоре, потому что лень было топать тридцать метров до сортира. «Мелкие радости коллективного быта», — мысленно проскрипела Мэл. Она занесла это в свой бесконечный список «методы наказания» (пункт триста сорок восьмой) и пошла собираться. Впереди была вылазка — очередная рутинная прогулка по краю ада, замаскированная под поиск провизии.

Путь. Три часа ада.

Они вышли из «Феникса» в пять утра, когда небо только начинало сереть, напоминая цветом старый, застиранный бинт. Рассвет был бледным, болезненным, как лицо умирающего от сепсиса. В этом тусклом свете даже деревья казались скелетами, тянущими к небу корявые руки-ветки. Регрессоры, нажравшиеся за ночь, обычно затихали в это время, переваривая добычу где-нибудь в тени.

Шли пешком. Машина — старый фургон, ржавый, как совесть мародёра, — в теории была быстрее и проще. На практике твари бежали за автомобилем, как бездомные псы за кошачьей свадьбой, и не отставали, пока у машины не кончался бензин или пока она не врезалась в какое-нибудь препятствие. Однажды Мэл попробовала — фургон заглох посреди шоссе, и сзади набежало штук двадцать. Едва унесла ноги, бросив машину. С тех пор предпочитала ноги и тишину

Маршрут они знали наизусть, до каждой кочки и трещины в асфальте. От «Феникса» — через лес по тропе. Вдоль заброшенной железной дороги. Через мост, где всегда проверяли старые растяжки — вдруг кто обновил. Потом полем до окраины города.

Путь занимал часа три-четыре в один конец. Туда — быстрее, потому что Регрессоры ещё спали в тени. Обратно — медленнее, потому что к полудню они просыпались, начинали бродить, и каждый шорох мог стать последним. Сегодня обошли две толпы.

Первая — у разбитого автобуса на въезде в город. Восемь, может, девять тел. Регрессоры копошились внутри салона, выдирая остатки обивки и что-то вяло жуя. Мэл заметила оторванную руку в лоскутах — водительская, наверное. Сухая, почерневшая, пальцы скрючены в вечном хватательном рефлексе. Твари не заметили людей. Мэл затаилась за бетонным блоком, прижав палец к губам. Зейн дышал так громко, что она чуть не придушила его на месте, но

пронесло. Регрессоры стали тупее. Намного тупее, чем полгода назад. И это, как ни странно, спасало.

Вторая толпа была опаснее — на перекрёстке, через который им нужно было пройти. Пятнадцать тварей стояли неподвижным кругом, головами наружу — что-то вроде их дневной стоянки. Они замирали, когда не охотились. Стояли столбами, с опущенными руками, с мутными глазами, уставленными в одну точку. Похожи на манекены — только манекены не пахнут разложением и не шевелят ноздрями, улавливая запах живого. Пришлось делать крюк через дворы, перелезать через заборы с проржавевшей сеткой, которая резала ладони, идти по колено в какой-то жиже, которая, возможно, была сточными водами, а возможно — чем-то куда более мерзким. Клариса наступила на что-то мягкое и чавкающее, но промолчала. В таких походах молчание — единственная валюта. А золото сейчас ничего не стоило.

— Они стали тупее, — прошептал Зейн, когда они, наконец входя в магазин. — В первые месяцы они были хитрее. Прятались, говорили, притворялись. Помнишь? А теперь — просто стаи. Жрут и бегают. Как животные. Нет, животные умнее. Мой пёс в детстве хотя бы команды знал.

— Умные перешли в Кротов, — ответила Мэл, вытирая липкие от пота руки о штаны. — А эти… деградировали. Вирус отбирает лучших. Оставляет только тех, кто может выжить. Но деграданты — это просто биомасса. Их много, но они тупые. Шумные. Предсказуемые.

Она говорила спокойно, но внутри у неё всё сжималось каждый раз, когда она видела Регрессоров вблизи. Их внешность за год стала только хуже — если можно представить себе «хуже» для существа, у которого половина лица отсутствовала с самого начала.

Регрессоры больше не говорили. Первые полгода они ещё могли выдавить что-то членораздельное — «привет», «помоги». Теперь — только рык, визг, горловые звуки, похожие на помесь лая и кашля умирающего тюленя. Их голосовые связки, видимо, сгнили вместе с остатками мозга, отвечающими за речь. Или их просто перестало интересовать общение.

Их лица превратились в анатомические пособия по разложению. Кожа свисала лоскутами, обнажая жёлтую подкожную клетчатку, серые мышцы, натянутые сухожилия, а иногда и кости черепа с остатками надкостницы. Глаза выцвели до молочно-белого, зрачки расширились и застыли, как у дохлой рыбы, но зрение не пропало — они видели движение. Видели так хорошо, что могли заметить затаившегося человека в полной темноте. Их тела, иссушённые до предела, напоминали анатомические эскизы: рёбра выпирали, как клавиши разбитого пианино, животы ввалились до позвоночника, но сила в мышцах оставалась — они работали на чистом адреналине и той чёрной, густой жиже, что заменяла им кровь. Крови у них почти не было — слишком густая, похожая на дёготь. Если перерезать артерию, вытечет пара ложек, и всё. Ногти отросли, закрутились в жёсткие когти длиной в палец. Зубы сточились от постоянного жевания костей, но оставшиеся были острыми, как осколки стекла.

Они пахли. Не просто гнилью — это была симфония из формалина, аммиака, протухшего мяса и чего-то сладковатого, от чего тошнило даже после года привыкания. Мэл почти сжилась с этим запахом. Почти. Но иногда, когда ветер дул в лицо, желудок скручивало, и она молилась, чтобы ее не вырвало.

Двигались они быстрее, чем раньше. Не хитрее — быстрее. Их движения были рваными, дёрганными, как у марионеток, которым обрезали половину нитей, но они всё равно пляшут. Регрессор мог разогнаться за секунду до скорости спринтера, мог прыгнуть с места на три метра в длину, мог взбежать по лестнице на четвереньках быстрее, чем ты успеешь выдохнуть. И их было много. Очень много. Но они были тупые. Это спасало.

Вылазка. Седьмой час утра. Магазин на окраине города.

Внутри магазина царил привычный хаос — голые полки, битое стекло, запах крысиного помёта и старой плесени. Мэл стояла в проходе между стеллажами и чувствовала, как пот стекает по позвоночнику, оставляя липкие дорожки на грязной коже.

— Ни хрена, — прошептал Зейн, нервно давя прыщ на подбородке. В прошлой жизни он развозил пиццу. В этой — был одним из тех, кто таскает тяжести и молится, чтобы не встретить Регрессора. Его главный талант — исчезать. В прямом смысле: если начиналась стрельба, Зейн испарялся быстрее, чем спирт с открытой ладони.

— Ищите дальше, — отрезала Мэл, не оборачиваясь. — В подсобке могли остаться лекарства.

— Да какие лекарства, — проворчала Клариса, женщина с лицом, на котором время и страх вырезали глубокие борозды. — Всё вымели ещё в первые месяцы. Я нашла вставную челюсть на третьем ряду. Без верхней дуги. Кому она нужна, интересно? Разве что вместо сувенира.

— Рори просила рамен, — вздохнула Мэл, перебирая коробки на нижней полке. — Я понимаю, что это идиотизм. Но если бы я принесла лапшу быстрого приготовления, она бы станцевала джигу. И пол-лагеря танцевало бы вместе с ней, празднуя возвращение вкуса.

— Лапши нет, — пробубнил Зейн, потирая поясницу. — Я проверил все ряды. Её сожрали в первые полгода. Я сам сожрал последнюю пачку со вкусом «курица» в каком-то подвале, прячась от стаи. До сих пор во сне вижу.

— Все мечтают о разном, — Клариса усмехнулась, не показывая выбитых зубов. — Кто-то о шоколаде, кто-то о сигаретах, кто-то о том, чтобы просто не умереть сегодня. Лапша — это блажь. Прихоть из прошлой жизни.

Мэл молча сунула в рюкзак три банки зелёного горошка — и двинулась дальше.

— Ладно, — сказала она, закидывая рюкзак за спину. — Вы досматриваете первый этаж, я иду на второй. Там отдел с бытовой химией и, возможно, медкабинет.

Она пошла наверх. Ступеньки скрипели под ногами — каждый шаг отдавался в пустом здании как удар колокола. Мэл замерла на середине лестницы, прислушалась. Тишина. Только где-то капает вода из прорванной трубы. Кап. Кап. Кап. И далеко с улицы — одиночный рык, ленивый, сытый.

Второй этаж был разрушен меньше. Свет проникал через разбитые окна, рисуя на полу грязные прямоугольники. Мэл нашла аптечный уголок — разбитую витрину, но за ней три целые коробки с бинтами и антисептиком, стараясь не шуметь.

Она уже собиралась спускаться, когда заметила дверь в подсобку. Приоткрыта. Толкнула ногой — дверь со скрипом отворилась, и из темноты ударил запах. Кровь. Свежая. И ещё что-то — кислое, приторное, как перебродившие фрукты на жаре. Мэл замерла. Вытащила нож — тот самый, охотничий, с зазубринами. Прижалась к стене. Сердце колотилось где-то в горле.

Из темноты донеслось хлюпанье. Мокрое, чавкающее. Словно кто-то жевал сырое мясо, перетирая зубами, как жвачку.

Она сделала шаг. Ещё шаг.

Регрессор сидел в углу, скрючившись, и пожирал останки человека. Лица жертвы не было видно — оно было съедено первым. Тварь не сразу заметила её, увлечённая трапезой. Но потом повернула голову — с сухим хрустом позвонков, словно их кто-то пересчитывал по одному. Глаза — мутные, выпученные, с красными прожилками — уставились на Мэл. И он оскалился.

Мэл рванула назад, но в дверях столкнулась со вторым. Он вырос из ниоткуда — из какой-то ниши или просто из темноты. Высокий, тощий, с руками, свисавшими почти до колен. Он зарычал — низко, басовито, как заведённый мотор, — и бросился.

Она не успела крикнуть. Горло перехватило спазмом. Нож занесла, но тварь двинулась быстрее, чем она ожидала. Скорость, которую Мэл видела сотни раз, обрушилась на неё. Она полоснула ножом по руке первого. Лезвие вошло в предплечье, рассекло кожу, но крови почти не было — только чёрная густая жижа. Регрессор даже не вздрогнул. Он вообще не чувствовал боли.

Второй прыгнул, и Мэл отшатнулась, ударилась спиной о стойку с банками. Разбитое стекло впилось в лопатку, но боль была далёкой, чужой. Она выставила нож перед собой. Первый встал на ноги — выше её на голову. Из его пасти свисал кусок плоти, не проглоченный. Второй, тощий, обошёл её сбоку, заходя за спину. Они не рычали больше. Они смотрели. И ждали.

«Вот и всё, — пронеслось в голове. — Год выживания. Ради того, чтобы сожрали в грязной подсобке магазина, где пахнет старым тряпьём и чужой кровью. Иронично.

Она закричала — не от страха, от ярости. Рванула на второго, полоснула по лицу, рассекла щёку до кости. Тварь даже не отшатнулась — просто схватила её за руку, сжав так, что кости хрустнули. Мэл взвыла, вырвалась, оставив кусок куртки в его когтях. Первый уже приближался, разинув пасть. Она пнула его в колено — колено хрустнуло, вывернулось под неестественным углом, но тварь не упала, просто перенесла вес на другую ногу.

Второй навалился, прижал её к стене. Его дыхание — вонючее. Мэл чувствовала, как его зубы близко к её шее, ища место, где кожа тоньше. Она ударилась головой о металлическую полку — когда, пытаясь сбросить его. В глазах потемнело. Нож выпал. Звякнул о пол. Где-то далеко, на первом этаже, послышался крик Зейна — а потом топот убегающих ног.

«Ушли, — подумала она с холодной ясностью. — Бросили. Никого не ищем. Даже меня».

Первый регрессор склонился над ней. Мэл зажмурилась, потому что смотреть на то, как твоё тело превращается в еду, было выше её сил.

Вместо чавканья и рыка — выстрелы.

Три. Резких, сухих, как хлопки плети. Один — отскочил эхом от стен. Второй — почти слился с первым. Потом тишина. И звук падающих тел. Мэл не поняла, кто стрелял. Темнота перед глазами сгустилась, утягивая её в липкое, вязкое небытие. Сознание погасло раньше, чем она успела осознать: жива.

Спустя три часа. Лагерь «Феникс». Ворота.

Солнце уже перевалило за полдень, когда дозорный на вышке крикнул: «Возвращаются!». Рори, которая последние полчаса мерила шагами пятачок у входа, рванула к воротам раньше, чем Зак успел отставить ружьё. Элис, дремавшая на ящике из-под картошки, вскочила, как от удара током. Её волосы торчали в разные стороны, в глазах плескалась та самая, приручённая за год тревога, которая никогда не уходила до конца, только затихала, как зверь под половицей.

Ворота со скрипом отворились. В проёме возникли двое. Зейн. Клариса. Грязные, запыхавшиеся, с пустыми руками и ещё более пустыми глазами. Зейн хромал — подвернул ногу, когда бежал. Клариса держалась за бок, будто у неё что-то сломалось внутри, хотя снаружи крови не было. Только грязь, пот и молчание.

Рори замерла. Её голубые глаза — те самые, цвета неба, которого здесь больше не было — обшарили проём. Раз. Другой. Третий. За спинами вошедших — ничего. Только пыль, оседающая на ржавые петли.

— Где? — спросила она, и голос прозвучал как чужая запись, пущенная не с той скоростью. — Где Мэл?

Зейн опустил голову. Он был бледен, как выпотрошенная рыба. Его губы шевелились, но слова застревали где-то в гортани, словно он разучился говорить.

— Где моя сестра, я тебя спрашиваю? — Рори шагнула вперёд, схватила его за грудки, встряхнула с такой силой, какой сама от себя не ожидала. Ткань куртки затрещала. Зейн был выше, но сейчас казался меньше, сжавшимся, как провинившийся пёс.

— Там, — выдавил он наконец, не поднимая глаз. — Там… мы слышали крики. Потом выстрелы. Три выстрела. Она была на втором этаже, мы внизу. А потом… всё стихло. Мы ждали, сколько могли. Минуту. Может, две. Она не вышла. Мы… мы ушли.

— Ушли? — повторила Рори, и слово это упало в тишину, как кусок бетона в воду. — Вы ушли без неё?

— Правило! — выкрикнула Клариса, и в её голосе звенела не злость — оправдание, липкое и жалкое, как сопли ребёнка. — Если кто-то не вернулся с вылазки — его не ищут.

Никогда. Никого. Даже если это Мэл. Даже если это твоя мать, твой муж, твой бог. Мы не нарушаем правило. Ты сама это знаешь! Она сама это знала! Она сама это придумала, чёрт бы её побрал!

Рори разжала пальцы. Медленно, как во сне. Зейн покачнулся, отступил на шаг, потирая грудь. Отступил ещё на шаг — подальше от её глаз. Элис стояла за спиной Рори, прижав ладони ко рту. Её серо-голубые глаза наполнились пустотой.

— Вы оставили её там, — сказала Элис, и это был не вопрос. — Вы, две здоровые особи, развернулись и побежали, даже не попытавшись.

— А что мы должны были сделать?! — взвился Зейн, и в его голосе прорвалась истерика, долго сдерживаемая, как гной из нарыва. — Пойти на второй этаж? Там были выстрелы! Три выстрела — значит, кто-то стрелял. Может, там уже десяток тварей! Мы бы сдохли через минуту! Ты хочешь, чтобы нас было три трупа вместо одного?!

Элис не ответила. Она просто смотрела на него, и в этом взгляде не было ни злости, ни осуждения — только брезгливость, какой смотрят на раздавленного таракана.

Рори попятилась. Шаг. Ещё шаг. Спина упёрлась в стену, и она сползла по ней, обхватив колени руками. Не плакала — не могла. Слёзы приходят позже, когда шок отпускает. Сейчас была только пустота. Огромная, звенящая, как колокол, в который ударили один раз и оставили гудеть.

— Ты ублюдок, — прошептала она, глядя в землю. — Ты жалкий, трусливый ублюдок.

— Я выжил, — сказал Зейн, но голос дрогнул. — Я выжил, как она учила. Как вы все учили. Не рисковать собой ради чужой шкурой. Не лезть на рожон. Думать головой, а не сердцем. Я сделал всё правильно. Она бы сделала так же. Она бы сама меня бросила, если бы припёрло.

— Заткнись, — раздался голос от ворот.

Зак стоял, прислонившись к створке. Его челюсть была сжата до скрежета, голубые глаза потемнели. Он не кричал — говорил тихо, и от этой тишины веяло холодом большим, чем от любого крика.

— Заткни свою пасть, Зейн. Или я за себя не ручаюсь.
Зейн осёкся. Клариса вжала голову в плечи.

Зак перевёл взгляд на Рори. На Элис. На собравшуюся у входа толпу — люди выходили из своих закутков, привлечённые шумом, и уже перешёптывались, и в их глазах читался приговор. Мэл нет.

— Расходитесь, — сказал Зак. — Нечего глазеть. Будет совет.

Толпа неохотно рассосалась. Остались только свои. Рори сидела на земле, уткнувшись лицом в колени. Элис опустилась рядом, обняла её за плечи, и они замерли — две статуи, высеченные из горя. Зак смотрел на ворота, за которыми уже сгущались сумерки, и молчал.

Думал о том, что правило — это правильно. Что Мэл сама его утвердила. «Никаких поисков. Никакого геройства. Один труп лучше, чем три». Она всегда это говорила. Всегда.

И вот теперь её собственное правило сожрало её саму. Сожрало — в буквальном смысле, если твари успели добраться до тела.

— Справедливо, — сказал он вслух, ни к кому не обращаясь. — До хуя справедливо. Она бы оценила иронию.

Элис подняла на него заплаканные глаза.

— Ты правда в это веришь?

— Нет, — ответил Зак. — Но я пытаюсь.

Он развернулся и пошёл к воротам — проверять засовы. Потому что нужно было чем-то занять руки. Потому что, если не занять руки, они начнут делать глупости. Например, собирать рюкзак и уходить в ночь, в сторону того проклятого магазина, где ещё, возможно, валяется её нож. Или её кости.

Рори подняла голову. Её глаза, смотрели на закрытую дверь их дома. Дома, который Мэл помогала строить. Который Мэл защищала. Который теперь будет существовать без неё.

— Она сама говорила, — прошептала Рори. — Не рисковать. Не возвращаться за мёртвыми. «Если я не вернусь — значит, я мертва. И пусть никто не смеет идти за мной».

— Она говорила это каждому новичку, — добавила Элис. — Как молитву.

— Вот и договорилась, — голос Рори дал трещину, и из неё вырвался звук — не смех, не плач, что-то среднее, страшное, как скрежет металла. — Вот и поплатилась своей шкурой за собственные правила. Она всегда говорила, что правила — это единственное, что держит нас людьми. Что без правил мы станем такими же, как они. И что правила нельзя нарушать, даже если очень хочется. Даже если там, в подсобке, лежит твоя сестра с перегрызенным горлом.

Элис прижалась к ней крепче. Они сидели на холодной земле, посреди лагеря, который осиротел на одного человека. Одного-единственного. Того, кто тащил их всех на своём горбу, даже когда сам был на грани. Того, кто матерился, и никогда не говорил «я люблю вас», но каждый день доказывал это делом.

— Что нам теперь делать? — спросила Элис шёпотом.

Рори долго молчала. Потом встала, отряхнула грязные колени, вытерла лицо рукавом.

— Выживать, — сказала она. — Как она учила. Не рисковать своей шкурой. И надеяться, что мы никогда не поплатимся за это так же, как она.

Она пошла к дому. Элис — за ней. Зак остался у ворот, вглядываясь в темноту. Он знал, что Мэл не вернётся. Но что-то внутри — то самое, что Мэл называла «непрофессиональным отношением к действительности», — не давало покоя. Что-то скреблось, как мышь под полом.

Что-то шептало: «Три выстрела. Ты слышал? Зейн сказал — три выстрела. У неё был только нож».

Он не пошёл искать её. Но спать в эту ночь он не собирался.

Глава 9. Me and the Devil

Выстрелы разорвали тишину, как скальпель разрывает гнилую плоть — резко, чисто, без права на ошибку. Мэл не видела, кто стрелял. Она вообще ничего не видела — только темноту, которая накатывала волнами, утягивая её в вязкое, липкое небытие, где не было ни боли, ни страха, ни Регрессоров, склонившихся над её телом.

Первый выстрел — и тот, что был слева, тощий, с руками до колен, дёрнулся, как марионетка, которой перерезали главную нить. Пуля вошла точно в висок — или в то, что от виска осталось. Чёрная жижа брызнула на стену, на пол, на Мэл, и тварь рухнула мешком, даже не успев зарычать.

Второй выстрел — Пуля пробила плечо, разворотила ключицу, и он, потеряв равновесие, врезался в стеллаж. Банки посыпались на пол, загрохотали, как барабаны Страшного суда. Тварь ещё шевелилась, пыталась ползти, цепляясь когтями за линолеум, но третий выстрел — на это раз в затылок — прекратил всё.

Тишина.

Мэл лежала на полу, прижавшись щекой к холодному линолеуму, и пыталась понять, жива ли она. Боль в спине — от разбитого стекла, впившегося в лопатку — была единственным подтверждением. Если болит — значит, жива. Пока. Сердце колотилось, пульс отдавался в висках похоронным маршем. Она попыталась пошевелиться, но тело не слушалось — мышцы свело от перенапряжения, адреналин схлынул, оставив только дрожь и слабость, от которой подкашивались руки.

Шаги. Тяжёлые, уверенные — не шаркающие, не рваные, не такие, как у тварей. Человеческие. Мужские ботинки ступали по битому стеклу, и этот хруст был самым прекрасным звуком, который Мэл слышала за последний год. И самым пугающим.

Она с трудом подняла голову, и в тусклом свете, пробивающемся через разбитое окно, увидела его.

Высокий. Чуть старше тридцати. Тёмные волосы, слегка падающие на лицо — не то, чтобы небрежно, а с той особой, просчитанной небрежностью, которая даётся либо дорогими стилистами, либо природной харизмой. Глаза — она разглядела их позже, когда он подошёл ближе, — были цвета обсидиана. Чёрные, блестящие, с чем-то опасным в глубине.

Он стоял в дверном проёме, держа в опущенной руке пистолет — с глушителем — и смотрел на неё, как на уравнение, которое он только что решил и теперь не знает, зачем ему это было нужно.

В другой руке у него дымилась сигарета. Мэл не видела сигарет уже полгода. Запах табака показался ей сейчас почти эротичным.

— Ну и чего ты разлеглась? — спросил он, и голос у него был с хрипотцой, обволакивающий, с той особой низкой частотой, от которой мурашки бегут по позвоночнику даже тогда, когда ты истекаешь кровью в грязной подсобке. — Тут, знаешь ли, не спа-салон. Хотя интерьер подходящий: трупы, лужи, запах. Очень аутентично.

Мэл попыталась ответить, но из горла вырвался только хрип. Она сглотнула, облизала пересохшие, потрескавшиеся губы и выдавила:

— Ты кто такой, чёрт возьми?

Он затянулся, выпустил дым тонкой струйкой в сторону и сделал шаг к ней. Теперь она могла разглядеть его лучше. Тёмная тактическая куртка, Ботинки армейские. На поясе — нож в ножнах. И лицо. Красивое. Слишком красивое для этого мира. С правильными чертами, ровная щетина. Опасное. Дьявольски харизматичное. Такое лицо могло принадлежать либо голливудскому актёру, либо серийному убийце.

— В этом мире уже не важно, кем ты был до того, как ад разверзся, — ответил он, присаживаясь перед ней на корточки. Движения плавные, кошачьи, ни одного лишнего жеста. — Важно, кем ты стал. И, судя по тому, что я вижу, ты стала чьим-то запланированным обедом. Хотя, надо признать, очень красивым обедом. Даже в аду. Особенно в аду. Я бы даже сказал — деликатес.

— Ты психопат, — прохрипела Мэл, пытаясь приподняться на локтях. Спина прострелила болью, и она зашипела сквозь зубы.

— Возможно, — он пожал плечами, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на веселье. — Но я тот, кто только что спас твою задницу. И, поверь, это не входило в мои планы на сегодня. У меня вообще-то был другой маршрут. А тут — ты. С двумя Регрессорами. В подсобке. В позе «я сейчас умру, но красиво».

— Я не просила меня спасать.

— О, я в курсе, — он хмыкнул, и это был звук, полный самодовольства, сдобренного изрядной долей сарказма. — Ты вообще, судя по твоему ножу, собиралась героически погибнуть. Но я подумал: знаешь что? Мне скучно. Последний месяц я выживал один. Молча. Без общества. Даже поговорить не с кем, кроме как с Регрессорами, а они, знаешь ли, дерьмовые собеседники. У них словарный запас из трёх звуков и одного хрипа. Так что, когда я услышал твой крик — кстати, очень выразительный, — я решил: почему бы и нет? Может, это будет забавно.

Мэл смотрела на него, пытаясь понять, издевается он или нет. Мужчина был похож на Крота — красив, слишком спокоен, хорошо одет. Но Кроты не спасают людей. Кроты не тратят патроны на чужих. Кроты не курят и не разговаривают о скуке.

Он протянул ей руку. Ладонь была сухой, тёплой, с длинными пальцами — пальцами человека, который умеет и душить, и ласкать. Мэл колебалась ровно секунду. Потом вцепилась в неё, и он рывком поднял её на ноги. Мир качнулся, в глазах потемнело, и она чуть не рухнула обратно, но он придержал её за плечо — крепко, но не грубо.

— Ты ранена, — сказал он, и это был не вопрос. Он уже разглядел кровь на её спине, проступающую сквозь разорванную куртку. — Стекло. Глубоко, но не смертельно. Если не загноится. А загноится обязательно, если не обработать. У меня есть аптечка. Не здесь — в

другом месте. Но сначала нам нужно убраться из этого места, потому что выстрелы слышали не только твои друзья.

Она прислушалась. С улицы доносился отдалённый рык — пока ещё далёкий, но приближающийся. Выстрелы, даже с глушителем, привлекли внимание. Регрессоры стягивались, как акулы на запах крови.

— Друзья? — переспросила она.

— Те двое, что были с тобой. Они ушли. Я слышал, как они бежали. Быстро бежали, кстати. Очень резво. Видимо, решили, что ты уже не жилец. Правило «не искать», да? Я знаю это правило. Сам им пользуюсь. Разумно. Практично. И очень, очень одиноко.

Он говорил это с лёгкой улыбкой, но в его голосе не было осуждения. Только констатация факта. Констатация реальности, в которой они все жили.

Мэл молчала. Она знала, что Зейн и Клариса поступили правильно. Знала, что сама бы сделала так же. Но от этого не становилось легче. На секунду ей стало почти… тоскливо? Нет. Просто ещё один кусочек её души отвалился и покатился в темноту.

— Ладно, — сказала она, пытаясь собраться — Куда?

— За мной, — он развернулся и двинулся к выходу. — У меня тут неподалёку есть убежище. Ничего особенного, но там сухо, темно и почти не пахнет мертвечиной. Тебя как зовут, кстати?

— Мэл.
— Мэл, — повторил он, пробуя имя на вкус, как хорошее вино. — Коротко. Зло. Мне нравится. А ты можешь звать меня Билл. Или Билли. Или «эй ты, с пистолетом». Я отзываюсь на всё. Кроме «Билл, помоги» — это я делаю выборочно, по настроению.

— Ты всегда такой? — она шла за ним, превозмогая боль, цепляясь за остатки сил.

— Какой?

— Самодовольный болтливый сукин сын, который спасает незнакомых идиоток в подсобках?

— Обычно — нет, — он обернулся через плечо, и в его глазах снова мелькнула та самая, искра. — Обычно я прохожу мимо. Но сегодня у меня, видимо, день благотворительности. Бывает. Раз в год. Как рождество.

Они спустились по лестнице — быстро, но осторожно. Первый этаж был пуст, если не считать разбитых витрин, перевёрнутых стеллажей. Снаружи рык становился громче, ближе. Стая собиралась, как гроза перед бурей.

У выхода из магазина Билл замер на секунду, прислушался, потом кивнул в сторону узкого переулка.

— Сюда. Быстро. И не шуми, если хочешь дожить до завтра.

Она пошла за ним, не спрашивая. Что-то в этом человеке — то ли его абсолютная уверенность, то ли холодный расчёт в глазах, то ли тот факт, что он только что убил двух тварей, не моргнув и глазом, — заставляло её доверится ему. Или, по крайней мере, не пытаться убежать прямо сейчас. Она была слишком слаба, ранена, вымотана, чтобы принимать самостоятельные решения. И слишком любопытна.

Они скользнули в переулок, прошли через дворы, перелезли через ржавый забор, миновали сгоревший остов фургона. С каждым шагом рык позади становился тише, отдалялся, пока не растворился в общем шуме мертвого города. Мэл чувствовала, как силы покидают её. Спина горела огнём, ноги подкашивались, в голове шумело. Но она шла. Потому что останавливаться было нельзя. Потому что этот странный, самодовольный человек шёл впереди, и она, чёрт возьми, не собиралась показывать слабость перед ним.

Наконец он остановился у неприметной двери в подвал какого-то здания — возможно, бывшей прачечной, возможно, бомбоубежища. Дверь была обита железом, с новым, явно недавно поставленным замком.

— Добро пожаловать в мою скромную обитель, — сказал он, отпирая замок. — Тапки не предлагаю, но обещаю: здесь хотя бы не стреляют.

Она вошла внутрь. Темнота, запах сухого бетона, старой мебели и всё того же табачного дыма. Но — не гнили. Это было важно. Подвал оказался на удивление обжитым: раскладушка с настоящим матрасом, стол, пара стульев, керосиновая лампа, ящики с припасами — консервы, вода, даже несколько бутылок чего-то, похожего на виски. На стене — карта города с отметками. Оружие: ещё один пистолет, ножи, патроны. Аптечка — настоящая, армейская, с антисептиками, бинтами, даже хирургическими иглами и нитками.

— Садись, — сказал он, кивая на стул. — И сними куртку. Я посмотрю, что у тебя со спиной. Если там осталось стекло, его нужно вытащить. Будет больно. Очень больно.

— Ты врач? — спросила она, морщась от боли, когда стаскивала пропитанную кровью куртку.

— Я много кто, — уклончиво ответил он, открывая аптечку и доставая антисептик, пинцет и бинты. — Врач — не основная профессия. Но я умею. В основном на себе практиковался. И на других. С переменным успехом. Некоторые выжили.

— Ты всегда такой обнадёживающий?

— А ты всегда такая колючая? — он улыбнулся, и в тусклом свете лампы его лицо показалось ей ещё более дьявольским. — Мне нравится. Женщина, которая не рассыпается в благодарностях, — это редкость. В этом мире все либо молятся, либо ноют. Ты не молишься. И не ноешь. Уже плюс.

Он обработал рану — быстро, профессионально, без лишней нежности, но и без жестокости. Пинцетом вытащил два осколка стекла, залил антисептиком, отчего Мэл зашипела и выругалась сквозь зубы. Потом наложил повязку — туго, аккуратно, закрепил пластырем.

— Готово, — сказал он, отступая на шаг. — Жить будешь. Шрам останется.

Она повернулась к нему, всё ещё без куртки, в одной растерзанной футболке, которая была когда-то белой, а теперь — бурой от запёкшейся крови. Свет лампы падал на её лицо, на спутанные волосы, на грязные щёки. И в этом свете, несмотря ни на что, она была красива. Той особенной, надломленной красотой, какая бывает у женщин, прошедших ад и не сломавшихся. Билл смотрел на неё секунду дольше, чем требовала необходимость. Потом отвёл взгляд, потянулся за сигаретой.

— Ты так и не сказал, зачем спас меня, — тихо произнесла Мэл. — Настоящую причину.

Он закурил, выпустил дым в потолок, долго молчал. А потом ответил — тихо, почти без интонации, глядя куда-то в темноту:

— Я сам не знаю.

Она ждала продолжения.

— Последний месяц я выживал один. Совсем один. Без людей, без голосов, без чьего-то дыхания рядом. Думал, что так проще. Так безопаснее. Никто не предаст, никто не попросит помощи, никто не умрёт у тебя на руках, пока ты беспомощно смотришь. И знаешь что? Это работало. Я был эффективен. Как машина. Просыпался, охотился, ел, спал. Никаких эмоций. Никаких привязанностей. Никакого риска. Но где-то на третьей неделе я поймал себя на мысли, что разговариваю с трупом. С мёртвым Регрессором, который валялся в углу. Я рассказывал ему о погоде. О том, что солнце сегодня какое-то блёклое. О том, что консервы с бобами мне надоели до чёртиков. И он слушал. Он был отличным слушателем. Молчал, не перебивал, не давал советов. Идеальный собеседник. Кроме запаха.

Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой, невесёлой.

— А потом я понял: если я проведу так ещё месяц, я сойду с ума. Окончательно. Бесповоротно. И тогда уже не будет разницы между мной и теми тварями за дверью. Они тоже когда-то были людьми. Тоже думали, что справятся в одиночку. Не справились. И сегодня, когда я услышал твой крик, — он сделал паузу, затянулся, — я подумал: «Почему бы и нет?» Может, это тот самый пресловутый героизм, о котором пишут в книгах. Может, просто скука. Может, я просто забыл, как звучит человеческий голос, и захотел услышать его снова. Не знаю. Не спрашивай. Я всё ещё не уверен, что не пристрелю тебя завтра утром, если ты будешь храпеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.